Литкульт привет!

Литературно-художественный журнал

Пробуждение. Худ. Татьяна Ковалёва

6(104)

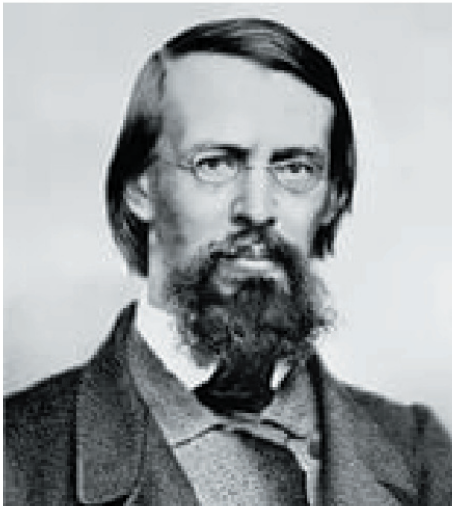
июнь 2021

Ежемесячный журнальный выпуск

Литкультпривет!

Основан 30 октября 2012 г. п.г.т. Нижний Ингаш Июнь №6 (104) 2021 г.

Литературный календарь

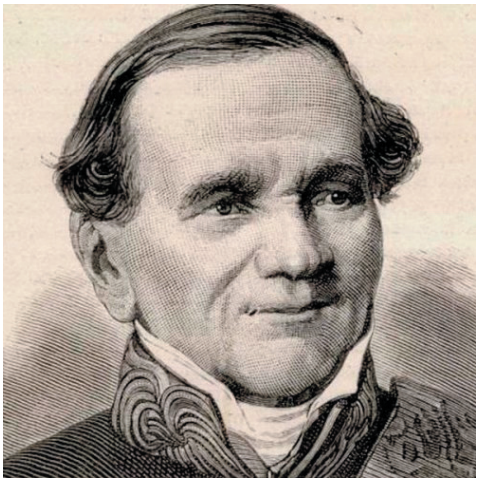


МАЙКОВ
Аполлон Николаевич.

Русский поэт, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, тайный советник.
Родился: 4 июня 1821 г., Москва, Российская империя
Умер: 8 марта 1897 г. (75 лет), Санкт-Петербург

БЕЛИ́НСКИЙ
Виссарио́н Григо́рьевич

Русский литературный критик, теоретик, публицист.
Родился: 11 июня 1811 г., Свеаборг
Умер: 7 июня 1848 г. (36 лет), Санкт-Петербург,



ГЛИНКА
Федор Николаевич

Русский поэт, публицист, прозаик, офицер, участник декабристских обществ.
Родился: 19 июня 1786 г., Смоленск
Умер: 23 февраля 1880 г. (93 года), Тверь.

В НОМЕРЕ:

ЛИТЕРАТУРА

Александр Балтин
Поэты Победы.....3

ПРОЗА

Владислав Кураш
“Последняя глава Артюф Рембо” ...7

Евгений Степанов
Евтушенко. Эссе.....13

Владимир Колабухин
“Примьера”.....16

Людмила Брагина
О счастье.....29

ПОЭЗИЯ

Николь Воскресная
.Стихи.....10

Сергей Прохоров
Стихи.....18

Николай Еремин
“Лабиринт пилигримов” Стихи.....21

Александр Богданов
Стихи.....23

ПУБЛИЦИСТИКА

Алла Новикова-Строганова
“Возвышающая женщина”.....25

Редактор
Сергей Прохоров

Александр БАЛТИН
Москва

Александр Балтин. Родился в Москве, в 1967 году. Систематического образования не получил. ... Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в 5-ти томах), и свыше 2000 публикаций в более,чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Испании, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США

Поэты ПОБЕДЫ

ТВЁРДАЯ ПРАВДА ТВАРДОВСКОГО

Просты ли стихи Твардовского?

Прав ли был Бунин, пришедший в восторг от Василия Тёркина, или Ахматова, сказавшая: Частушки в любое время нужны.

И он и она по своему - ибо представление о народности, широко внедрённое в сознание граждан Союза, и ныне кажущееся нелепым, было и верно, и не верно: народ действительно нуждался в своих песнях, и народность всякая условно, а Василий Тёркин поэма всё же скорее столь связанная с определённым временем, что так и останется в нём.

А вот грандиозное, антологичное стихотворение “Я убит подо Ржевом” ясной стройностью и сверкающей алмазной гранью каждой строки врезается в сознанье сильнее.

Простые смыслы и точные формулировки: в этом сила Твардовского:

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Как врезается в недра памяти необыкновенно мудрое стихотворение:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В то, что они - кто старше, кто моложе -
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,-
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Оно - точно формула совести, в которую входит и осознание своей, пусть и не чётко даденной вины - вины метафизической, если угодно.

Поздние стихи Твардовского отмечены знаком мудрости вообще, и скорбью, совмещённой с принятием действительности такой, какая она есть; представляется, поздние стихи Твардовского ценнее, чем его монструозные поэмы раннего периода.

Нельзя не задуматься над стихами “Памяти матери”, не ощутить их странную, тугую земельную силу - силу почвы, растящей всё необходимое, принимающей телесные оболочки людей:

Как не спеша садовники орудуют
Над ямой, заготовленной для дерева:
На корни грунт не сваливают грудою,
По горсточке отмеривают.
Как будто птицам корм из рук,
Крошат его для яблони.
И обойдут приствольный круг
Вслед за лопатой граблями...
Но как могильщики — рывком —
Давай, давай без передышки, —
Едва свалился первый ком,
И вот уже не слышно крышки.

Сила стиха идёт от глубины, от сознания осмысленности прожитого: каждым; от неотменимости того, что было, что есть.

Они просты - стихи Твардовского, но простота эта высокого порядка...

...памятник поэту и великому редактору возвышается напротив местоположения журнала, какому он отдал столько времени и сил.

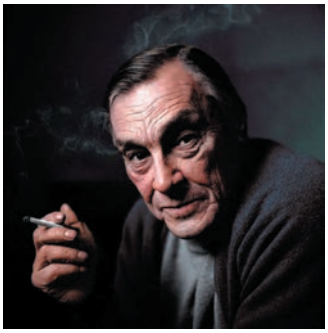
Люди проходят мимо.

Идут не-читатели стихов, искатели выгод, бедные представители народа, стремительно становящегося населением, идут, не особенно задумываясь, кому установлен памятник.

ПОКЛОН АРСЕНИЮ ТАРКОВСКОМУ

Читая, перечитывая стихи Тарковского, вновь и вновь поражаешься их земной, земельной мощи – в сочетание с нежностью и тонкостью звука, идущего из неведомых, могущественных, световых сфер:

И я ниоткуда
Пришел расколоть
Единое чудо
На душу и плоть…



Особая оптика сочетается с уверенностью говоримого, и голос обретает властную сдержанность: своя правота не исключает чужие мнения, которыми впрочем, стоит пренебречь, зная свою правоту.

Речь густа, речь закипает ассоциациями, множится букетами сравнений, играет великолепием эпитетов.

Может ли улыбаться верблюд:
На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках
Как вата в столетнем халате.

О да!

Непременно, ибо жизнь хороша, несмотря на войны и кошмар онтологической бездны, ибо мы в ней чего-нибудь стоим, как утверждает мастер, а он не может врать.

Или не знать.

Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.

Пусть даже ощущение «измогильности», депрессивное, вероятно – но свет же! И не простой: сиятельный, сизокрылый, роскошно данный.

Всё от света, всё замешано на нём, из тьмы нельзя строить.

Кактус равен Карловым Варам – имея в виду феноменальность любого явления жизни, его неповторимость, его вмещённость в собственную особую ауру; но строгость и чёткость Тарковского мастерства не равно никому, ибо любой поэт – наособицу, хотя и ясны его корни.

Небесное и земное совмещены в самих пластах языка – и звёзды сияют так ярко, как славно работают кузнечики, а мощь новоселья с массою предметов обещает простую, сытную жизнь.

И что первозданный рай малинов – верится, ибо, как не верить такому огромному поэту.

КОНСТАНТЫ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

1

Романтическое и мужественное начало присущи поэзии К. Симонова; поэзии, столь же чуждой рефлексии, как и абстракции; наполненной только словами значимыми, круглыми, как галька:

Здесь нет ни остролистника, ни тиса.
Чужие камни и солончаки,
Проржавленные солнцем кипарисы
Как воткнутые в землю тесаки.

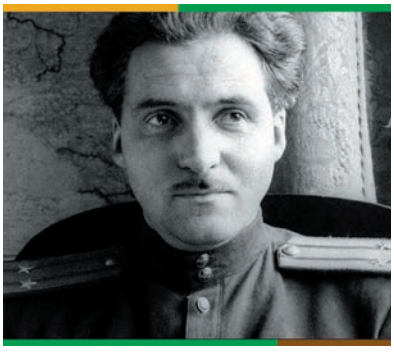
Тесак критического суждения не просунуть между строк: всё сделано без зазора:

И спрятаны под их худые кроны
В земле, под серым слоем плитняка,
Побатальонно и поэскадронно
Построены британские войска.

Даже доброта, кажется, чужда мировосприятию Симонова:

Иной, всего превыше
Боясь толчка под ребра,
Такого друга ищет,
Чтоб был, как вата, добрый.

Впрочем, без доброты, как и без света, невозможно существование, и доброта мира – в частности – выражается в том, что люди получают различные дары.



Дар Симонова – некогда знаменитого, как бывали разве что космонавты и футболисты – был не малым: вполне р а з н о о б р а з н ы м, иногда жёстким от мускульной силы строки, порой – расплавленным от страсти.

Поэзия, или проза наиболее полно характеризует его дар?

Думается и та, и другая в равной степени, однако, всё же поэзия в большей мере связана с исповедальностью, с тою линией, следуя которой, можно понять человека лучше всего.

И поэзия Симонова наблюдательна, это поэзия точного взгляда и уверенных выводов:

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,
Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,
Как все на ней запоминалось:
Примерзший стебель ковыля,
Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.

Конкретика предметов, их необыкновенная связанность между собой, дуговая всеобхватность всеобщности точно поднимает поэтическое суждение на новую высоту, делая его более значимым. все реки впадают в большие резервуары; все поэты приближаются к мере и осознанию всеобщности.

В плеске и блеске разнообразно представленной жизни – хоть в шашлыке, политым лимоном и запитым вином, хоть в атаке, раскиданной по снегу, хоть в картинах, нарисованных строчками – разлито столько общечеловеческого, что поэзия К. Симонова словно поднимается к облакам…

2

Искусство перевода сродни пересадке на новую почву непривычных растений, и тут одно случайное движение способно нарушить корни, отменяя жизнь цветения.

Симонов, как переводчик, был крайне аккуратен по отношению к корням – к сущностному, основному.

Его Видади, звуча своеородным, в орнаментах красивых запутанным востоком, цвёл русским смыслом, внося в пространный пантеон русского стиха живое благоухание грустных грёз.

Ряд переводов из Киплинга можно обозначить, как чудо: ибо и «Дурак» и «Гиены» несут в себе подлинные огни.

Их много, переливающихся ярко, заключённых в каждой строфе.

Собственный стиль, своя манера стиха точно уходили из симоновских переводов, и жила другая экзистенция, благородная и страшная, жизненная, связанная с иными культурами – и уже принятая культурой русской.

СВЕТОВАЯ СИЛА ДАВИДА САМОЙЛОВА

1

Понимать язык волн, передавая его стихами стройными и ясными, есть дар провидца, чувствующего единство всего сущего:

Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живем иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.

У Давида Самойлова было много поэтических козырей: но ясность и мелодичность были из основных: из тех, что не подвластны пыли времени, но имеют средство против его течения, ибо с годами стихи – лучшие стихи Самойлова – кажутся достигающими небесной глубины.

А «Пярнусские элегии», конечно, из лучших мелодий, исполненных на русском языке во второй половине двадцатого века.

Музыка должна лечить, или?..

Чет или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.

Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт,
Музыка - лекарь?
Музыка губит.

Лаконизм афоризма, и поступь вечности – вот же она, завернувшись в плащ поэтической ткани, сходит в недра смысла… Но оборачивается он собственной противоположностью: ибо то, что должно лечить – губит.

Видимо, дело в мере вещей, в той пропорции, какую составляет музыка от реальности.

Заметим в скобках, что нынешняя реальность, настоянная на чрезмерном растворе денег, противоречит любой музыке.

…страшные «Плотники», некогда прозвучав, продолжают вибрировать в воздухе поэзии, и… жизни.

Или, если жить осталось три часа, говорить о чём бы то ни было бессмысленно.

Хотя… стоит именно говорить, если осталось три часа – и стихотворение дышит так, будто пронизано предсмертным откровением.

Военные, ставшие хрестоматийными, стихи Самойлова сильно пахнут порохом: чтобы почувствовали грядущие поколения цену страха и подвига.

Равно – пот солдатской работы: такой будничной, такой распластанной крестом.

Тайна слова и апрельский лес, точно обновлённый лад баллад и стихи о поэтах – вращается цветная карусель стихов пёстрых и ясных, своеобычных и напитанных силой мысли.

Каждое – как капсула, заключающая в себе вещий янтарь маленького пророчество.

Чтобы в сумме состоялось одно, большое, под названием «творчество Давида Самойлова».

2

В поэме В. Незвала «Эдисон» сочетание противоположностей дано через яркий мистический строй, и начало её – с ночной прогулкой по Праге просвечено тою мерой реальности, которая и должна вести человека: от низин к высоте.

…ибо сначала мы видим разочарование игрока, затем – двоящаяся тень: не то его самого, не то фантома

его фантазии, а потом уже в действие вступает сам Эдисон: через газету, где дано его изображение:

Было что-то в нём, что потрясает нас:
Радость бытия и смелость без прикрас.

Труда Давида Самойлова, как переводчика многообразны и разноплановы, но всегда он добивался необыкновенного сближения: тексты, переведённые им, жили на русской почве, как будто всегда произрастали именно на ней.

Брехт и Межелайтис, Антал Гидаш и Библ, Броневский и Норвид – просто перечисление переведённых им поэтов составляет блестящий свод мировой поэзии…

Монументальность, лепная сила и сталь полёта строк Межелайтиса перекликаются, как будто, с архитектурной мощью Броневского; а мистика Циприана Камиля Норвида наслаивается на прозаизацию поэтического дела, так славно и умело производимую им же.

Мудрый Руми – в исполнение Самойлова – проведёт нас лестницами притч, открывая скрытые механизмы мира; а фантасмагоричный и волшебный Галчинский рассыплет гирлянды драгоценных созвучий…

Поэтическое великолепие самого Давида Самойлова было продолжено в его поэтических переводах так пышно, что богатство кажется неисчерпаемым – и щедро раздарено оно, бери, пользуйся – читай, расти душою.

МЕРА МИХАИЛА КУЛЬЧИЦКОГО

Крест и соль солдатского труда выражены Михаилом Кульчицким с такою силой, что какие-либо иные толкования, кажется, исключаются:

Война - совсем не фейерверк,
а просто - трудная работа,
когда,
черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.

Именно работа, даже более весомое, резкое, сильное слово «труд» не использует Кульчицкий, хотя определяет работу, как трудную.

Разумеется, какою ей ещё быть, когда смерть из тени превращается в плотное, хотя и не зримое образование, ждущее жертвы каждый момент.

Соль, сущностное, основное – всего этого много в не большом, но таком ярком наследие Михаила Кульчицкого; нет в нём игры: совсем, никогда - ибо жизнь всерьёз.

И стихи всерьёз – иначе они превращаются в лёгкий досуг, праздную забаву, филологические игрища.

Сквозной онтологический ветер продувает стихи Кульчицкого: и словно он и определяет невозможность лишнего ни в какой строке.

Но он, просвистанный, словно пулями роща,
Белыми посаженный в сумасшедший дом,
Сжигал
Свои Марсианские
Очи,
Как сжег для ребенка свой лучший том.

Так – о Хлебникове: вольном дервише русской поэзии, не знавшем имущества, как солдат; так – приводится пример подлинности. Которую невозможно подделать, какой так не хватает в наше шальное и шаловливое время.

Жизнь – чтобы отдавать, как отдавал Хлебников, как отдавал Кульчицкий: свой дар, свои стихи, свою жизнь, не знавшую ложного жира.

И выделив в капсулу смысла самое страшное в мире, Кульчицкий писал:

Самое страшное в мире –
Это быть успокоенным.
Славлю мальчишек смелых,
Которые в чужом городе
Пишут поэмы под утро,
Запивая водой ломозубой,
Закусывая синим дымом.

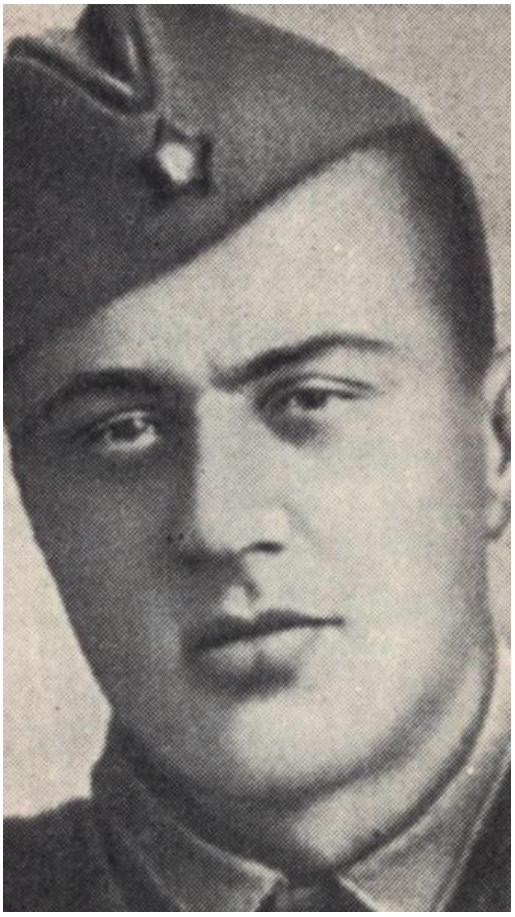
За успокоением: мещанский достаток, эра эгоизма, погань прагматики…

Никакого творчества.

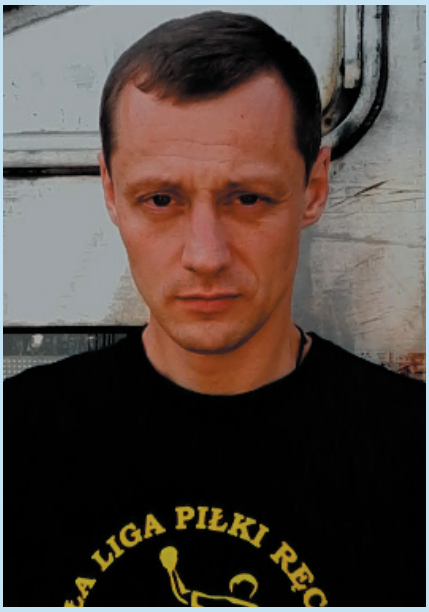
Чья суть – помимо основы: таланта – раздаривание себя: щедрое, как делает это дождь.

А время сохранит: и образ, и стихи…

Александр Балтин



Владислав КУРАШ
Белгород



В своих произведениях Владислав Кураш затронул тему нелёгкой жизни нелегальных эмигрантов в Европе («Каждому свое», «Дядя Миша», «Quo vadis», «Так всё и было», «Навеки с Парижем» и др.)
Членом Всеукраинского национального культурно-просветительского общества «Ру́сское Собра́ние». членом Харьковского клуба поэзии «Авал».

Последняя глава Артюр Рембо

После разрыва с Полем Верленом он много путешествовал по свету, пока в конце концов не оказался в Восточной Африке. На какое-то время ему пришлось обосноваться в Хараре. Это был небольшой хорошо укреплённый город, расположенный в трёхстах пятидесяти километрах от Аденского залива. Через Харар проходил транзит абиссинских товаров, экспортируемых в Европу.

Там ему удалось устроиться на работу в местное отделение лионской фирмы «Мазеран, Вианне, Барде и компания», имевшей много факторий в Африке. Альфред Барде, возглавлявший это отделение, был членом Географического общества. Познакомившись с ним, Рембо решил стать первопроходцем и первооткрывателем неизвестных земель.

С этой целью он снарядил несколько коммерческих экспедиций в неисследованные районы Абиссинии. После чего составил отчет, в котором подробно описал климат, флору и фауну Абиссинии, традиции, обычаи и обряды местных племён. И попросил Барде переслать отчёт в Географическое общество в Париж.

С первых дней пребывания в Африке у него начались хронические боли в животе и приступы лихорадки. Они постоянно мучили его и донимали. Местные врачи не могли поставить правильный диагноз и понять, что это за болезнь. И, тем не менее, время от времени он вынужден был ложиться в больницу и проходить курс лечения.

Рембо не нравился африканский климат с изнуряющей жарой и палящим солнцем. Всё чаще и чаще он стал задумываться о том, как бы поменять работу и переехать куда-нибудь в другое место. В это время в Хараре он познакомился с Пьером Лабатю, который предложил ему закупить оружие, изготовленное в Бельгии и Франции, и потом с выгодой продать его в Абиссинии императору Менелику. За комиссионные он обещал посодействовать в переговорах с императором, которого знал уже давно. Сделка сулила большие барыши, сумма, необходимая для закупки оружия у Рембо имелась, и поэтому он сразу же согласился.

Это была отчаянная авантюра. Больше десяти месяцев он просидел в Таджуре, небольшом сомалийским порту, в ожидании прибытия закупленной партии оружия. Ещё какое-то время ушло на оформление разрешительных документов и снаряжение каравана, который состоял из доброй сотни мулов и верблюдов и тридцати четырёх вооружённых до зубов абиссинцев.

Передача оружия должна была состояться в Анкобере, старинном абиссинском городе, где у императора Менелика была резиденция. Дороги в Абиссинии были ужасными. Четыре долгих месяца караван с оружием добирался до пункта назначения. За это время Менелик со своей армией захватил Харар, и вместе с ним огромное количество трофейного оружия. А Пьер Лабатю заболел, уехал во Францию лечиться и умер. Рембо оказался в незавидном положении.

Приехав в Анкоберу, он был совершенно истощён. Он похудел, с трудом передвигался, и у него страшно болело правое колено. Встреча с императором произошла в Энтонто, будущей столице Абиссинии. Менелик был несговорчив и не шёл на уступки. Ничего не оставалось, как согласиться на условия Менелика. В конечном итоге на этой сделке Рембо понёс огромные убытки. Около шестидесяти процентов вложенных денег было потеряно. Рембо был в отчаянии. Но у него

оставалось ещё восемь килограммов золотых монет, которые он всегда носил при себе зашитыми в пояс.

На обратном пути Рембо познакомился с Жюлем Борелли, французским исследователем, который возвращался в Европу из экспедиции в Шоа. Не задерживаясь долго в Хараре, Рембо сразу же направился в Каир. В отделении банка «Лионский Кредит» он депонировал всё своё золото. Брат Жюля Борелли, который жил в Каире, помог ему опубликовать заметки о его путешествии в Абиссинию в местной газете и представил его каирскому обществу, как известного путешественника и географа.

Окрылённый успехом, Рембо решил предпринять новую экспедицию в Абиссинию. Он обратился в Географическое общество с просьбой о выделении средств для экспедиции, но ответа не получил.

Тогда он вернулся в Харар, и организовал своё собственное дело по образцу фирмы «Мазеран, Вианне, Барде и компания». Он занялся покупкой и экспортом абиссинских товаров в Европу. Дела шли неплохо и он быстро разбогател. Но его существование омрачали непрекращающиеся боли в правой ноге.

Рембо много читал. Углубив свои знания по истории Абиссинии со времён античности, он начал работать над рукописью книги об этой суровой неизведанной стране, к которой постепенно стал привыкать.

Рембо очень любил прогулки. Во время одной из прогулок по окрестностям Харара он упал и сильно ударился тем коленом, которое беспокоило его всё последнее время. После этого на ноге расширились вены и начались ужасные боли, которые не давали ему покоя ни днём, ни ночью. Когда Рембо понял, что улучшения не будет, он решил ликвидировать своё предприятие и ехать лечиться в Аден.

На ноге появилась опухоль. Он уже не мог ни ходить, ни сгибать колено. Любое движение доставляло ему боль. Чтобы добраться до Аденского залива, Рембо вынужден был заказать носилки и нанять абиссинцев-носильщиков.

Совершив тяжёлый трёхсоткилометровый переход на носилках, через десять дней он добрался до Аденского залива и сел на пароход, отправлявшийся в Аден. Там его сразу же положили в госпиталь, где поставили диагноз: воспаление коленного сустава в очень опасной стадии. Врачи настаивали на ампутации ноги. Рембо принял решение возвращаться во Францию. На следующий день его погрузили на борт пакетбота «Амазонка», который отплывал в Марсель.

После двенадцати дней жестоких мучений на борту «Амазонки» Рембо высадился в Марселе и сразу же был госпитализирован. Его правое колено распухло до неимоверных размеров. Опухоль продолжала увеличиваться и расти. Через пять дней к нему в Марсель приехала мать. А ещё через два дня ему сделали операцию по ампутации ноги. Ногу ампутировали очень высоко, почти на уровне паха. Но риск оправдался. Рана быстро начала затягиваться и заживать. Рембо шёл на поправку.

Через два месяца его выписали, и он уехал домой, на ферму в Роше, где не был уже больше десяти лет. Жизнь на ферме была скучной. Свободного времени было много. Он продолжал работать над рукописью книги об Абиссинии, которую начал писать ещё в Хараре.

Несмотря на видимые улучшения, через какое-то время он стал болезненно реагировать на свет. Приходилось постоянно зашторивать окна и закрывать двери в его комнате. Потом у него появились боли внизу живота. Боли начали усиливаться и в конце концов сделались невыносимыми. В отчаянии он почему-то решил, что только в Хараре ему станет легче. Эта навязчивая идея не покидала его ни на секунду.

Недолго думая, собрав свои вещи, в сопровождении сестры он сел на поезд до Марселя, откуда собирался доплыть пароходом до Адена и потом до Харара. В дороге ему стало очень плохо. В Париже сестра предложила сойти с поезда и поехать в госпиталь, но он отказался. Дальнейшая дорога была сущей пыткой для обоих. У Рембо начался бред.

Когда они добрались до Марселя, Рембо был совсем слаб. Прямо с вокзала они поехали в тот госпиталь, где ему четыре месяца назад делали ампутацию. Диагноз врачей был неутешителен – пациент обречён. Раковая опухоль дала метастазы на костный мозг.

Рембо оставалось жить ровно месяц. Этот месяц он провёл в госпитале вместе с сестрой. С каждым днём ему становилось всё хуже и хуже. Опухоль росла и вызывала ужасные боли. У него появились галлюцинаторные видения. Всё чаще и чаще он погружался в состояние бреда.

Рембо до последнего верил в чудесное исцеление. Благодаря этому сестре удалось уговорить его исповедаться и причаститься у священника.

В последние дни он уже не осознавал, что с ним происходит. За день до смерти он продиктовал сестре странное послание, из которого были понятны лишь две фразы.

«...Я полностью парализован и хочу как можно скорее оказаться на борту, скажите мне, в котором часу меня должны доставить на борт…»

На следующий день в два часа пополудни Артюр Рембо скончался на больничной койке. Ему было тридцать семь лет.

Сборник «Моя вторая Одиссея»
Цикл «Эта безумно безумная жизнь»
Варшава
23 октября 2020

Артюф Рембо - король негров. Рисунок. Эрнеста Днлаза

Артюф Рембо.Рисунок Поля Вернера

Поль Вернер и Артюф Рембо. Рисунок Ф.Регаме

Николь ВОСКРЕСНАЯ

Владивосток

Анастасия НИКОЛЕНКО родилась 10 апреля 1990 года. Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Директор издательства «Дальиздат» (с 2018) Живет во Владивостоке. Творческий путь: сочинять стихи начала в раннем детстве. Первое осознанное стихотворение было написано в 12 лет. С тех пор стала постоянным участником литературных объединений «Литера» и «Вектор». В школьные годы являлась сотрудником молодежной газеты «Прибой» г. Владивосток. Псевдоним Николь ВОСКРЕСНАЯ появился в 17 лет. Первый сборник стихотворений был выпущен в 2011 году. Член Союза российских писателей с 2015 года. Член Союза писателей России (с 2017) года.

СОЛНЦЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ВОСТОК

***

Розы похожи на зевающих львов,
покорится ли немота?
Проникающее ранение слов,
неподвижная пустота.

Говорят, поэты не уживаются,
чаще других точат ножи.
Магия развлечение унижающихся,
но сбывается все, о чем ворожил.

Старые боги становятся чудовищами,
оттого что дети бояться прежних игрушек.
Преодолеть тишину, как сокровище
похищая вместе с голосом, душу.

***

Кто-то в таком же пальто гладит чужого пса.
В людях есть что-то от змей:
рвать на себе рубашку сансары,
вытащить шею из всех петель.

Если копить священное барахло,
чтобы однажды все бросить и стать собой-
лишь незатейливое ремесло,
не достижимое только для нас с тобой?

Если поможет связка ключей,
та, что не может уже ничего открыть?
Значит ли это, что трата свечей,
На обогрев пустоты, то, для чего стоит прожить…

***

Нежности не остаётся,
словно не был рожден.
Тайная сила бессонниц,
сбитый пилот-невесом.

Неуловимой тревоги,
шею обнимет колье.
Место поиска бога:
келья, где рос в темноте.

Словно зерну, побегом,
ветке судьба, стать колом.
Ты невесом лишь мгновенье,
если повенчан со злом.

***

Вязкая кость нежнее, чем камень.
Пламя волос превращается в пепел.
Благослови на козни, обманом,
красным волком в черном вертепе.

Отпрыски-брызги, отблески-блестки,
в каждой материи спит умиранье.
Не в утешение, но безголосым
быть пересмешником тоже страдание.

Тело медовое тает в погоне,
змеям на откуп вино лью в землю,
зашевелится все что прогонят,
цепь разорвавший мне дышит в темя…

***

Запах земли и воска,
не дозвониться в набат.
Все что есть – отголосок:
старый заброшенный сад.

Где-то в забытых записях,
адрес, где был твой дом,
голос сладкий на зависть,
только не вспомнить… кто?

Нож, колокольчик, монета.
Лета больше не будет.
Путая ниточку следа,
кто заблудился в людях?

***

Монахом-схимником дерево после пожара,
стоит и молится в пустоте
и вся вода больше не отражает,
ни этой боли, ни святости в черноте

и долетают только обрывки, словно,
вокруг оглохло все что слышать могло,
и истлевает молящийся скорбно,
и серый дым как душа из него…

***

Мы теряем людей из вида,
все чужое однажды станет твоим,
и душа растрепанной книгой
истлевая рождает дым.

Перебирая пальцами в темноте,
воображаемые клавиши:
эти не те, и эти не те,
чтобы мелодия стала тающей,

таящей спокойствие и простоту,
разучившей совсем тревожиться,
словно кто-то узнал судьбу,
но не станет впредь осторожней

***

Бытовая деталь чужой мифологии:
пересказ пересказа и так без конца.
Отдавать нужно все, растворяясь во многом,
не боясь потерять лица.

Голос смолкнет, дан ли он мне?
Молчаливая вещь среди сотен таких же,
на дрейфующем корабле,
в трех местах проколовшем днище.

Не любимое создание Господа,
затрепещет под чьей-то рукой,
и свет солнца цвета тёплого воска,
разольется над его головой

***

Покланяйся ярко- жёлтым камням,
потеряй все что можно из вида.
И служи сам себе, словно храм:
твоё тело, алтарь-обида.

Керосиновой лампой коптит,
весь остаток света внутри,
треснет хрупкая, выльется мирт,
нежеланной твоей тоски.

Не впитает её песок
и вода не поможет смыть.
Мироздание мост - из гнилых досок,
а горящий обязан светить.

***

Бессмертие странная вещь,
я стала тем, чем ты перестал быть.
В топком бархате белых плеч,
вена вьется-тонкая нить.

Или это не вена, струна?
Чуть-чуть дернешь и выльется ток,
заливая, как светом луна,
стены, пол, окно, потолок.

Отражаться и отражать,
словно зеркало, словно стекло,
один вздох однажды поймать,
оборвать не так уж легко.

Если легкость твою перенять,
что останется вместо нее?
И воды почерневшая гладь
отражая тебя, обретает ли имя твое?

***

Рукописи не горят, они тлеют,
горой пожелтевших бумаг
и не склеить.
На зубах как песок скрипят,
лишь по ветру осталось развеять.
Научиться все забывать,
ни во что больше не верить,
ни чьей речи не прерывать,
а свою потерять, словно берег.

***

Вселенная Всетленная
город чудовище где.
Оставайся чужим и забвенным.
знать не хочу о тебе.

Тот, кто сожжет себя,
станет чуть позже всем.
Пепел и грязь бытия:
перворожденный тлен.

Перерождение – чушь,
если нельзя стать никем,
я разливаюсь как тушь
кто невозможен тот вожделен.

НЕНАВИСТНИК.

Кровь – раскаленное масло,
месиво моря скомкало отражение,
обнимающее как змея властно,
приносящее жгучее поражение,

воображение, рисует висельников,
всех непричастных, торгующих вздором.
Воспитай себе ненавистника,
взращивай пожар, будь ему словно хворост.

И пусть этот безнаказанно незаметный выползок
выразительно тебя ненавидит,
лишь петля удушьем из тела легкость вызволит
словно дым над костром возвысит…

***

Как эту тщетную боль мне выплакать?
сердцем собаки, которую бьют.
лужу луны до конца мне не вылакать.
Что променять на постылый уют?

В центре всего только пустяк:
красная нить белой не стала.
Мясом на черных бетонных костях
клетки домов, цепи вокзалов.

Хвост у кометы как божия плеть.
Кто и за что наказан?
Мне б искрой пороха захрипеть,
в вой заходясь каждою фразой.

***

Пустота жизни, заключённая
в звуке запавшей клавиши,
дешёвый линялый ситец местного неба.
Называя, что угодно – присваиваешь,
то, у чего отродясь имени не было.

Этот свет проживающий в каждом,
кривом проулке и уличном фонаре.
Тот же свет, оборвавшийся дважды,
в этой жизни так просто в тебе.

Разочарование похоже на предсмертный опыт,
словно впал в немилость там, где тебе самое место,
и твоё дыхание, укравший кто-то,
не заслуживает даже банальной мести.

***

Черно-белой, смеющейся по-вороньи,
вдруг запомнилась сама себе.
Наложением рук исцеляя агонии,
едкой сажей прикипевшую маску сдирая во сне

как зерно одичалое превратится в траву,
все бесплодное мертво заранее,
что до этого дня берегла, сомну,
бумагу с лживым посланием.

Черной влаги натянутое полотно,
чтобы новое платье сшить.
Знаю точно, рясой выйдет оно,
Мне в ней вороном вечно(нынче) кружить.

V.

Это последняя станция.
Грудь – простреленная виолончель,
не соблюдай дистанцию,
в пространстве где ты ничей.

Мне так легко проклинать возлюбленных,
круг покинут, волна словно сеть,
и пахнет железом, как кровью загубленных,
в городе, где так легко умереть.

***

В прокуренную и сырую ночь
выйти нравом, будто сродниться с нею,
мне равнодушия не превозмочь
я каменею.

Не заблуждайся, твоё «хочу»,
не поводок, не цепь,
всеобжигающему лучу,
какая цель?

Танцуй изюминка - паук,
по тонкой ниточке из сна,
фальшивой властью чьих-то рук
не обречена...

***

Пустоглазые дома,
мир без света,
пережито как война,
как запреты.

Не почувствовать тепла,
в бледный вечер,
избегая как угля,
каждой встречи.

И любой другой мотив – смута,
храм, заброшенный души,
без уюта.
Каждая любовь всегда – форма власти,
белоснежные клыки в алой пасти.

***

Бездна часовых поясов:
время, предназначенное разделять.
Солнце возвращается на восток,
я познала морок, желание околдовать.

Это место крадет тебя полностью,
белую пену темной как море души.
В слишком синее чересчур небо
вонзаются лопасти
и мир, больше тебе не принадлежит.

Не пережить происходящее, запечатлеть,
нарушая его бездыханность,
и все пылающее станет тлеть,
И время отступит, а дым превратится в туманность.

***

Растерзанный – моя печаль,
желанье – признак пустоты,
объятьями не укачать
допервобытной немоты…

Снаружи зверь и пропасть пасть
и сладострастно нем завоеватель,
легка болезненно напасть,
неисцеляемых заклятий

тугие скользкие как шелк,
когда удавка невесома,
кто изнутри познает шторм
тот заскобит по неживому.

Безымянное.
Цвет неба за минуту до грозы,
отображает лишь изнеможение
существования поставленного на паузу.

Как подобрать звучанье подходящее для тишины?
Так, словно бы часы лишь отражение,
текущего напрасно и так праздно,
времени.

Ведь тишина - отсутствующий звук,
утраченный реальностью фрагмент,
как брак, проявленный на фото,

случайный отпечаток чьих-то рук,
несуществующий предмет,
безмолвная и неживая тень кого-то,
кто не имеет имени.

***

Город совсем без воздуха,
выхода к морю нет,
Вдоволь здесь всюду россыпью,
аплодисментов – фальшивых монет.

Зеркало разлито,
словно одна субстанция,
пчела-вампир жалит цветок
в самое сердце, выход, последняя станция.

Выдох. Пространство без сна,
где начинается день,
а от укуса саднит десна,
я потеряла тень.

Евгений СТЕПАНОВ

Москва

Евгений Степанов (1964) — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Урал», «Нева», «Звезда», «Дружба народов», «Знамя», «Наш современник», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «Литкультпривет», «Волга» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига («Литературная газета») и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

Эссе

ЕВТУШЕНКО

ИЗ КНИГИ «ЛЮДИ ИСТОРИИ. ИСТОРИИ ЛЮДЕЙ »

О Евгении Евтушенко, Царство ему Небесное, написано, пожалуй, не меньше, чем написал он сам.

И все-таки несколько штрихов к его портрету.

В конце 1988 года я был стажером и литконсультантом отдела литературы журнала «Огонек». Коротичевского. Отдел был очень сильный. Заведующий — Олег Хлебников, сотрудники — Владимир Вигилянский, Андрей Чернов, Людмила Наточанная, Георгий Елин, Миша Пекелис… Подвизались и мы с Илюшей Мильштейном. Я в основном рецензировал стихотворную почту, за что получал какие-то небольшие деньги, а Илюша писал мудрые литературоведческие статьи, которые, как пра- вило, доводил до ума прекрасный человек Владимир Вигилянский, который теперь свя- щенник. Не удивительно.

Работали мы очень много, засиживались допоздна. Люди к нам в отдел приходили замечательно-интересные: Берестов и Сарнов, Рыбаков и Богуславская… Со многими я тогда познакомился.

А Евтушенко фактически работал у нас. Он вел рубрику «Муза двадцатого века». Весь отдел ему помогал. Особенно Мильштейн.

Актерские способности знаменитого поэта меня поражали. Пример. Звонят Хлебникову. Трубку снимает Евтушенко

В трубку говорят:

— Это Олег Никитович?

Евтушенко отвечает:

— Что Вы, что Вы! Это его помощник. Я сейчас за ним сбегаю, извините…

Ну, мы все, конечно, хохочем.

Евтушенко все время придирался к моей одежде. Я тогда ходил в полосатых полувоенных штанах за 32 рубля. Хорошие, удобные штаны. На другие денег не было. Евтушенко говорил:

— Если бы ты приехал в Штаты, тебя могли бы арестовать. Подумали бы, что ты милитарист.

Я отвечал:

— Когда поеду в Штаты — переоденусь.

Часто мы, разумеется, беседовали о поэтах и поэзии. Как-то раз разговорились с ним о Денисе Новикове, которому тогда было лет двадцать. Евтушенко:

— Талантливый парень. Но ему надо бы добавить в стихи немного Есенина…

Так — трагически! — потом и получилось.

Денис стал, на мой взгляд, выдающимся поэтом. Увы, он ушел из жизни даже раньше Е.А. Евтушенко.

Однажды вечером Евтушенко сказал:

— Ну, сегодня мы поработали хорошо. Поехали отдыхать.

Хлебников позвонил своей жене Анне Саед-Шах (Аня теперь, увы, тоже навсегда ушла от нас), Евтушенко — жене Маше.

Хлебников, Мильштейн и я влезли в евтушенковский «Мерседес» и поехали в ЦДЛ. Водителем у нас был поэт.

По дороге я спросил его:

— Евгений Александрович, в книжечках библиотечки «Огонька» указывается, в каких странах Вы побывали. Раньше шло только перечисление. В последнем сборничке перечисленных стран было шестьдесят две. А на сегодняшний момент?

— Восемьдесят пять! — гордо и не задумавшись ни на секунду, выпалил Евтушенко.

По дороге я рассказал ему, что до сих пор храню книжку «Куда ведет Хлестаковщина?» В ней Борис Панкин клеймит позором тридцатилетнего Евтушенко за интервью западным СМИ.

Поэт стал выпрашивать у меня эту книжку:

— У меня ее нет. Подари!

Я пообещал.

Приехали в ЦДЛ. Аня и Маша находились уже там. Евтушенко тут же заказал банкетный столик. Стали выпивать. Евгений Александрович произносил тосты за всех присутствующих. Очень много сказал добрых слов об Олеге Хлебникове, Илье Мильштейне. Сказал что-то и в мой адрес. Похвалил. По-моему, даже чересчур. Я смутился и промямлил в ответ что-то невразумительное. Типа того, как я счастлив быть в такой компании! А потом — не знаю, как у меня вырвалось?! — я вдруг (это, конечно, был мерзкий синдром моськи, лающей на слона!) ляпнул:

— Евгений Александрович, извините меня!.. Я вас очень уважаю как человека, старшего товарища, фотографа, журналиста, путешественника, но считаю: все, что Вы написали после двадцати пяти лет в стихотворной форме, очень слабо. Во всяком случае, мне это не нравится. Искренности стало меньше, а политики больше. И вообще, все Ваши стихи можно пересказать прозой. А значит, это не стихи.

Возникла длительная, тревожная пауза.

— Он плохо кончит! — только и сказал грустный Евтушенко.

Потом инцидент был как-то замят. Выпили мы тогда немало. И помирились. Стали говорить друг другу комплименты.

Неожиданно меня окликнула какая-то девушка. Оказалась — это моя знакомая, певица Оксана Х. Вид у нее был весьма раскованный. Откровенное декольте. Ярко накрашенные губы. Мы стали болтать. Евтушенко так и ходил вокруг нас. Пришлось их познакомить.

Потом Илюша Мильштейн стал долго и протяжно читать стихи Германа Плисецкого, чем привел в восторг и Евтушенко, и всех остальных.

Во время банкета почему-то поднялся вопрос, еврей ли Евтушенко?

— Ни грамма еврейской крови у меня нет. Я — латыш,— просветил нас поэт-интернационалист.— По отцу я — Гангнус, во время войны фамилию сменил, а вот брат мой родной (единоутробный) по отцу — еврей. И очень хороший человек. Как и его родители.

Под занавес сего мероприятия все мы целовались и обнимались. Евтушенко сказал мне:

— Ты честный человек и мой друг. Теперь все новые года встречаем вместе!

Я чуть не прослезился. Меня приблизили!

Интересно Евгений Александрович расплатился.

— Плачу я! — гордо крикнул он. И полез в сумочку к своей очаровательной жене Маше.

…Потом мы не виделись примерно полгода. Я уже работал в газете «Семья» корреспондентом. И должен был брать интервью у Бориса Егоровича Панюкова, тогдашнего заместителя министра гражданской авиации. Я сидел, ждал в приемной, когда меня пригласят.

Вдруг вошел Евтушенко.

Я чуть ли не кинулся к своему знаменитому «другу».

— А мы разве знакомы? — спросил поэт.

Он меня не узнал. Или сделал вид, что не узнал.

…Прошло очень много лет. Однажды (в 2013 году) мой постоянный работодатель С.И. Чупринин, по заказу и под бдительным кураторством которого моя фирма «Вест-Консалтинг» сделала сайты практически всем лауреатам премии «Поэт», позвонил мне и сказал:

— Женя, в Москву из Америки прилетает Евтушенко, будет проводить у себя на даче в Переделкине вечер близких друзей, у меня приглашение на два лица, на себя и на супругу. Жена моя пойти не может, поэтому в качестве супруги я приглашаю Вас. Пойдете? Тем более что Вам надо делать сайт Евтушенко.

Я, конечно, радостно согласился.

Вечер тогда удался на славу, было очень много интересных людей, хорошего вина и хороших закусок, я подарил Евгению Александровичу свою трехтомную антологию совре- менной поэзии и книгу «Они ушли. Они остались», том 1, которые он с благодарностью принял.

Выступали друзья поэта — Генрих Боровик, Евгений Сидоров, журналист Валерий Яков (с которым мы в незапа- мятные времена работали в газете «Семья», а потом не виделись много лет), Владимир Вишневский и многие другие. Остроумнее всех выступил, на мой взгляд, Вениамин Смехов. Он сказал:

— Что мне больше всего нравится в Евтушенко? Это его жена Маша.

Евтушенко смеялся громче всех!

Хорошо на этом вечере сказал Владимир Вишневский:

— Слуцкий нам, молодым поэтам, говорил: «Евтушенко — и.о. великого поэта». Теперь очевидно, что приставка и.о. не нужна.

Да, это правда.

Валерий Яков тоже удачно выступил:

— Евтушенко — посол мира, любви! Все верно. Я тоже так считаю.

О сайте нам тогда с Евгением Александровичем поговорить не удалось. Он был постоянно занят, все хотели с ним пообщаться, да и чувствовал он себя не очень, у него тогда уже была ампутирована одна нога.

Но спустя некоторое время, через несколько дней, я позвонил Евгению Александровичу на дачу, и у нас состоялся предметный деловой разговор.

Евтушенко дал мне указание использовать в качестве единственно-правильной его биографии биобиблиографическую справку, опубликованную в проспекте лауреата премии «Поэт».

— Там все сказано точно, и мной проверено,— резюмировал Евтушенко.

Так мы с Максимом Жуковым, веб-дизайнером «Вест- Консалтинга» и премии «Поэт», и поступили. На сайте Е.А. Евтушенко размещена именно эта информация.

***

Скончался поэт, точно надсмеявшись над смертью, 1 апреля 2017 года в США, похоронен на Переделкинском кладбище, рядом с могилой Бориса Пастернака.

Евтушенко написал очень много стихов. Сам к себе он в последние годы относился, как ни странно, довольно строго. В одном телевизионном интервью говорил, что примерно 70% его стихов не самого высокого качества. «Ну что тут поделаешь, не все стихи удались!»,— вздыхал поэт.

Но будем объективны: Евтушенко написал столько замечательных стихов, сколько нам и не снилось. Когда Евгений Александрович отказывался от излишнего журнализма в стихах, назидательности, когда писал лирические произведения, он становился, на мой взгляд, самим собой — истинным поэтом и виртуозным мастером стиха. Многие его стихи стали достоянием народа, навсегда вошли в мои плоть и кровь, его новаторская рифменная система до сих пор оказывает влияние на современных поэтов.

Да и вообще мир стал беднее без этого уникального человека.

1988–2021

Владимир КОЛАБУХИН
Ярославль

Колабухин Владимир Гаврилович
Родился 5 июля 1937 года в подмосковном городе Коломне. По образованию - юрист, по профессии – журналист. Автор нескольких книг прозы и стихов. .Дипломант ряда отечественных и международных литературных конкурсов. Золотой лауреат Германского Международного конкурса «Лучшая книга года» (2015, 2017 г.г.). Член Союза российских писателей. Живёт в городе Ярославле..

ПРЕМЬЕРА

Задолго до начала спектакля в фойе районного Дома культуры одиноко прогуливался высокий седоволосый старик. Худощавый, чуть сутуловатый, в старомодном светлом костюме - «тройке» с белой манишкой, при черном галстуке - бабочке, он сердито постукивал по сверкающему паркетному полу массивной тростью и недовольно оглядывал скучающих контролеров.

«Не понимаю! — возмущенно говорил он себе. — Премьера, а зал еще пуст... А? Нет, разлюбили здесь сцену. Бывало, не успеют в городе афиши развесить, а у клуба уже народ толпится...»

Из зала выбежала стройная голубоглазая девушка в легком цветастом платье. Увидев старика, она раздраженно крикнула:

- Иван Николаевич! Идите же гримироваться! Вечно вы со своими причудами...

- А-а, помреж!.. Здравствуйте, здравствуйте! Ну что вы тревожитесь, Танюша? Не во мне дело. Зритель-то где?

- Да придет, придет зритель! Вот увидите: яблоку некуда будет упасть. Я-то знаю. А вы как маленький, право...

Старик вспыхнул:

- Это я-то?.. Да вы знаете, кто я!..

Стукнув тростью об пол, он схватил девушку за локоть, густые брови его сошлись на переносице.

- Я… всегда готов. Всегда!..

Словно вспомнив о чём-то, о чём не следовало говорить, он умолк и, нахохлившись, двинулся через зрительный зал за кулисы.

Загримировавшись, он вышел на сцену. На ней суетились исполнители спектакля, помогая друг другу расставлять декорации и бутафорскую мебель. В стороне какой-то паренёк воинственно размахивал коротким мечом.

- Не так! Ну не так же, юноша!- досадливо поморщился старик и с необычайной живостью подскочил к нему. - Вот, смотрите, как надо!

Глаза его молодо заблестели, он быстро встал в позицию и сделал два выпада.

-Запомнили?

-До первого звонка он успел переговорить со всеми, каждому давал советы, делал замечания. Его выслушивали покорно, но, как только он уходил, с улыбкой, впрочем, доброй, говорили:

- Вот старик, никак не угомонится. На репетициях нас учил-учил, а теперь и здесь ещё, перед спектаклем.

...Протяжно зазвучал гонг. Старик вздрогнул, зябко поёжился.

Таня заметила это. Её вдруг охватило чувство тревоги за новичка, взятого в труппу любителей театра уже в конце репетиций.

- Не подвел бы нас дед,- нервно сказала она режиссёру, молодому, красивому блондину с гладко зачёсанными волосами. - Вот и Мишка из-за него без роли остался. Озорной Михаил, зато надёжный... Тоже, нашёл, кому поручить - старику! Где ты раскопал этого допотопного самородка?

- Ладно, ладно, - сердито ответил режиссёр. Он лишь недавно окончил культпросветучилище и сейчас тоже очень волновался, озабоченно поглядывал в щёлочку между занавесом и порталом. – Есть в нём что-то такое… Ты, Танюша, лучше иди к старику. Чего доброго, и впрямь пропустит он свой выход.

Медленно раздвинулся тяжёлый тёмно-вишнёвый занавес. В глаза ударил свет прожекторов. Старик на мгновенье зажмурился, дыханье перехватило: ему так нужны были и этот удар гонга, и мощный свет прожекторов, и тёплое дыхание зала.

Если бы Таня спросила его в этот момент, кто он и почему с ними, и если бы для этого было время, старик наверняка рассказал бы о том, как ещё подростком с передвижной актёрской труппой исколесил всю Россию, как привык к театру, как театр стал частью его самого. Рассказал бы и о том, что уже с год назад он, заслуженный артист, ушёл на пенсию и, переехав из крупного приморского города в этот тихий городок на Волге, городок своей юности, заскучал. Заскучал по театру, по сцене.

А однажды он зашёл на спектакль самодеятельного коллектива. Всё огорчало и сердило его. Исполнители переигрывали, опаздывали с выходом, путали текст, мизансцены, говорили плохо.

В тот вечер он и решил записаться в кружок, скрыв при этом свою профессию. Была наивная причуда: тряхнуть стариной. Рассказал бы он Тане и о том, как ожил на репетициях, как перестал себя чувствовать одиноким и немощным. И вот, наконец, спектакль...

Но Таня ни о чем не спрашивала. Она просто напомнила ему:

- Ваш выход.

Он вышел и от волнения забыл текст.

В ушах звучал настойчивый голос суфлёра, недовольно шумел зал. Артист растерянно оглянулся, увидел расширенные от расстройства глаза Тани. И, как это бывало когда-то раньше, сразу всё вспомнил. Произнес одну фразу, другую...

Зал притих. Из-за кулис с изумлением глядела на старика Таня. Перевоплощение его было столь быстрым и естественным, что даже Мишка, тот самый, у кого старик «отнял» роль, заворожённо следил за ним. Плечи старика расправились, он величественно вышагивал по залу королевского замка, властно отдавал приказы…

Как только закрылся занавес, Таня бросилась к старику:

- Иван Николаевич, родненький!

- После, Таня, после. - Старик был бледен, руки его дрожали. - Мне отдохнуть надо.

Весь антракт он неподвижно просидел за сценой в кресле. Тёмная ложбинка пролегла меж бровей. Какая-то печаль лежала на сердце и мешала радоваться успеху.

Но и другие акты прошли не хуже, чем первый. Могучий актёрский темперамент старика захватил всех остальных исполнителей. Спектакль шел, как на одном дыхании.

Пожалуй, никогда ещё этот маленький зрительный зал не слышал таких аплодисментов. Старика вызывали непрерывно, ему преподносили цветы...

После спектакля в гримёрку вихрем ворвалась Таня.

- Иван Николаевич, миленький! Да что же вы тут сидите? Вашу фамилию скан–ди -ру-ют!-Не переводя дыхание, выпалила она.

Взглянув в лицо артиста, обеспокоенно спросила:

- Вам нехорошо? Да?

Он устало и виновато улыбнулся. На лбу его ещё блестели капельки пота, лицо было бледным, припухшие веки подергивались...

— Сердце что-то прихватило, Танюша.

Он попытался облизнуть губы, но язык был сухой и шершавый.

Через минуту собрались все участники спектакля. Мишка притащил стакан воды.

- Не надо! - отмахнулся старик. - Это пройдет. Артист я, ребята, и сердце должно быть выносливым. Да, видно, всё. Выдохся. Хорошие вы мои!..

Домой он возвращался один, с трудом уговорив кружковцев не провожать его. Шёл и думал, думал. Он понимал, что играл сегодня последний раз. Им опять овладело гнетущее чувство тоски и одиночества. Мысль о том, что он никогда больше не выйдет на сцену, показалась ему невыносимой, страшной: как жить дальше без любимого дела, которому отдана почти вся жизнь? И вдруг в памяти всплыла услышанная после спектакля фраза: «Знаете что, хотите быть у нас вторым режиссёром? Вот было бы хорошо! Тогда мы сможем наш кружок превратить в настоящий молодежный театр». Кто это сказал? Да ведь это предложение Тани и Миши, всех кружковцев.

Вспомнилось, что говорили товарищи по прежней работе: «Ну, куда ты хочешь уехать? В городок, где нет ни филармонии, ни театра. Ты еще быстрее состаришься, затоскуешь. Ну, кому ты там будешь нужен, кому? Оставайся-ка с нами, живи спокойно на приличной пенсии».

«Кому нужен?»

Старик усмехнулся. Горечь, угнетавшая его, неожиданно исчезла. Он вновь почувствовал в себе силы, понял, что действительно нужен этим замечательным девчатам и ребятам, так горячо и искренне влюбленным в театр.

И уже спокойно зашагал по ночным улицам города, вдыхая аромат садов и свежесть летней приволжской ночи.

Сергей
ПРОХОРОВ
Нижний Ингаш

Сергей Прохоров – автор 23 книг стихов и прозы, член Союза писателей России, член Международной Федерации русскоязычных писателей, член-корреспондент литературной академии республики Крым, основатель и редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Истоки», выходящего с 2006 года, и электронного литературно-художественного журнала «Литкультпривет!» с 2012 года.

.

ВСТРЕЧАЯ ЛЕТО

АЗ ВОЗДАСТ

Исписанных листов
Порою и не счесть.
Мы пишем абы что,
А, вот, абы зачем?
Хваля и матеря,
Читают всё же нас,
Раз нечего терять
Найдут, неровен час.
И всеем нам аз воздаст.

НЕ СДАЁМСЯ

И память уж не та (какая жалость),
И валится из рук всё сверху вниз,
И молоко опять с печи сбежало,
И борщ в печи забытый перекис.

По деревяшке бы рукой постукать
Забывчивости всякой вопреки,
Но мы вершим всё новые поступки
Нелепые, как жизнь, пустяки.

Причём, не плачем над собой - смеёмся,
И, кажется, что нет нас веселей,
И не сдаёмся как-то, не сдаемся,
Карабкаемся как-то по земле.

ПОРА САДИТЬ КАРТОШКУ

Плевать на все кавиды –
Пахать, любить, рожать!
Какие нынче виды
На новый урожай?

Отходят понемножку
От страха мондражи…
Пора садить картошку
И жить, и жить, и жить.

ВСТРЕЧАЯ ЛЕТО

И дни уже стали длиннее,
И ветры теплом обдают,
Трава у крыльца зеленеет,
Дворовый заладив уют.

Всем пташкам, букашкам внимая,
Обласканный солнцем стою
На самом на краешке мая,
Под нос себе что-то пою,

И, млея от тёплого света,
Шепчу себе всяческий вздор,
Встречая спешащее лето
На мой зеленеющий двор.

ДВОРОВАЯ ТРАВА

И не луговая, не лесная,
Где шумят под ветром дерева,
Грустная немного и смешная,
Стриженная во дворах трава.

Вытоптанная хозяевами
Каждый день и вдоль и поперёк,
Рубленная на зиму дровами,
Летом запасаемыми в прок.

Ей ворота, ставни расписные,
И заборы во дворах тесны.
Ей, наверно, снятся сны лесные,
Луговые, сказочные сны.

ЗРЮ В КОРЕНЬ

***
Сто метров прошёл и одышка –
Года!
И жизни, поди, уже крышка?
О, да!
И нету в тоннеле просвета,
Увы.
И часто я мыслю про это,
А вы?

***
Свет отключен без причины,
Толи где-то что замкнуло?
И опять судьба-лучина
Меня в прошлое вернула.

Отыскал во тьме свечу,
Значить, жить еще хочу.

НЕ КЛЁВО

Случается такое редко,
Но вот случилось
Сломалась в доме табуретка -
Нога сломилась.

Клей, гвозди с полки я достану
И ножку вправлю,
А вот сидеть на ней не стану
И буду прав я.

Хотя всё прочно, всё в порядке,
Даю вам слово,
Но на хромой уже лошадке
Сидеть не клёво.

ПАШУ Я ЗАРЮ

По календарю
Уж и лето подходит.
Пашу я зарю
На своём огороде,
Лучами, дождями
Её бороню
И с нею горстями
Себя оброню
В попутном ряду,
Надеждой прозрев,
Что, может, взойду
В другой я заре.

ОГУРЕЧИКИ, ПОМИДОРЧИКИ

Огородные чтоб хлопоты
В удовольствие –
Будешь год весь лопать ты
Продовольствие:
Огуречики с морковочкой,
Помидорчики –
Все в подвальные по полочкам
Коридорчики.
Что ни вырастит на грядочках –
Всё сгодится,
Только надо и порядочно
Потрудиться.

БЕЗ ХОЗЯЙКИ

Дела, видать, хозяина плохи,
Покинула надежда и отрада -
Цветут на огороде лопухи,
Крапивой заросла его ограда.

Калитка перекошено грустит,
Едва держась единственным шарниром
О той хозяйке, что почила с миром
И без которой нечему расти.

ПОДСОЛНУХИ

Природе подражая, я под солнца хит,
Натыкаю между грядок спелых семечек,
И ярко-золотистые подсолнухи
Мне днём светится будут и среди ночей.

Запечатлеть тот свет в душе я поспешу,
И ярких красок солнечных с собой возьму,
И спелых сытных семечек нашелушу,
С мелодией подсолнечною на зиму.

ДАЛЁКОЕ ЛЕТО ДАЛЁКОЙ ВОЙНЫ

Не помню я лет той
Далёкой войны,
Но снятся мне лета
Военного сны,

Где был я младенцем
И соску жевал,
А где-то отец мой
Войну воевал,

Не зная при этом,
В атаку идя,
Что этим вот летом
Родилось дитя -

Плод дня расставанья,
Прощального дня...
И лишь расстоянья
И залпы огня.

Солдатская почта
Потом донесёт -
Всё верно и точно:
День, месяц и год.

Солдатские письма
На редкость честны,
И в метрику впишут
Второй год войны.

И был он голодным,
Как, впрочем, и все,
И летом холодным
Не вызрел посев.

Кормились всем тем,
Что росло и цвело
И даже затем,
Животы не свело.

Голодное лето
Далёкой войны.
Не помню я это,
Но снятся мне сны.

АМЕРИКАНСКАЯ ТУШОНКА

С мечтой: обнять детей и жёнку,
Уставши от войны до слёз,
Американскую тушёнку
Отец с войны домой привёз.

Четыре банки жестяные
Спокойно выложил на стол…
Не помню праздники иные,
Чем этот праздник – на все сто.

Деликатес сей уминали,
Давясь обилием слюны,
И добрым словом поминали
Мы победителей войны.

ОТРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ

Лет послевоенных пацаны
Были отражением войны
И была игра у них одна
И звалась она тогда – война.

Строили окопы, блиндажи,
Брали огневые рубежи.
Свой был замкомвзвода и комбат,
Выстругавший новый автомат.

Деревянный строчит пулемёт
Памятью в победный жаркий год.
И уже оправилась страна,
Но ещё жива пока война.

***

Не могу заснуть я сразу,
Всё подушку свою мну,
Как занозу, как заразу
Из себя тоску тяну.

А тоска сочится, ноет
В сердце ноет, у виска
И никак не выйдет гноем,
Не очистится никак.

***

Из нас ведь каждый не двужилен
И я совет вам добрый дам:
Давайте радоваться жизни:
Её мгновениям, годам.

Минуя всякие препоны,
И все преграды обходя,
И чтобы было чего вспомнить
Из этой жизни уходя.

Совет хороший. Но скажи -
А как без трудностей прожить?

СПАСИБО НИКОЛАЮ

Всю ночь шёл дождь. К утру затих – ура!
Лишь струйками ещё журчится с крыши.
- Чего, мой друг, стихов давно не пишешь? -
Поэт Ерёмин позвонил с утра:

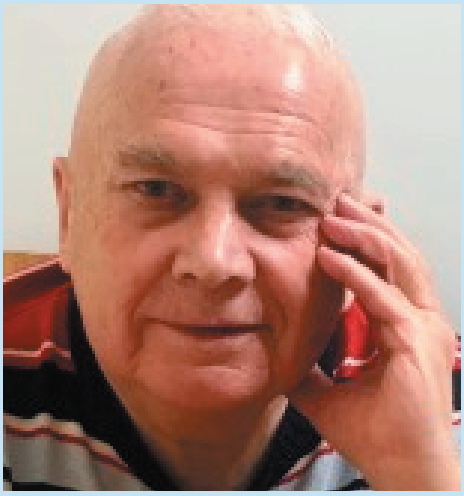
- Давай взбодрись! Отдай талант перу,
Выйдь на крыльцо, послушай птичек пенье,
Мы ждем твоих стихов все с нетерпеньем
На нашем стихополе Стихи.ру.

Послушал - двери настежь, на крыльцо,
Как в реку в свежесть утра окунулся
И радостно, и жадно задохнулся
От свежести, пахнувшей мне в лицо.

Май 2021 г.

Николай ЕРЁМИН

Красноярск



Николай Николаевич Ерёмин - член Союза российских писателей и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин».автор нескольких десятков книг, коллективных сборников, лауреат многих литературных премий. Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты»

ЖИТЬ по ВДОХНОВЕНИЮ!

***

Ты думаешь,
Что я богат,
Как царь Мидас + Дерипаска?
Да, я богат!
И очень рад,
Что обо мне – такая сказка...
Зайди!
В раздумьях посидим
И книжку сказок издадим...

МИР и ВОЙНА

Умирают родители...
Погибают солдаты...
И мои покровители...
И мои депутаты...

Городские и сельские,
Все – под маской недуга -
Пропадают российские –
Ах! - и друг, и подруга...

В полумёртвой стране –
Как в загадочном сне...
Где и я – наяву
Заколдован – живу...

Вопрошая опять:
То ли спать? То ли встать?
Никого рядом нет,
Кто бы дал мне совет...

***

Не хочу
В родном краю
Жить «по умолчанию»
А хочу
В родном краю
Жить – по вдохновению!
Чтоб сказали все:
- Ей-ей,
Ты поёшь, как соловей!

БЕЗУМИЕ

Простим безумие поэта,
Где –
На границе тьмы и света –
Боль-ной,
Контуженный вой-ной,
Опять гармонию он ищет
И не находит…
Боже мой!
Записывая так,
Как слышит -
Над головой и за стеной -

Обрывки слов
И ветра вой…

***
Я – сон…
Ты – музыка во сне,
Поющая во мне и вне…
Звучи!
И мы в ночи любой
Вновь будем счастливы с тобой…

***
Опять стихи твои читаю
Я –
Со слезами на глазах…
И - что со мной?
Не понимаю,
Увы и ах, увы и ах…
Но чувствую
О, Ангел мой!
И понимаю, что – с тобой…

***
Сок берёзы сладок…
Кружка с кружкой
Чокаются в мае допоздна…
Хорошо,
Что стала мне подружкой
Новая весёлая весна!
И о чём угодно
У ворот
Песни сочиняет – и поёт
Под гитару –
Только успевай
Рифму подбирай и подпевай…

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

На каждого
История болезни
С рождения, увы, заведена...
Но
Методы леченья бесполезны,
Поскольку предыстория одна:
Права на труд, на отдых и на труп.
А также
На суму и на тюрьму
И на свободу – всем, по одному...

***
Мой друг, не разрушай надежд!
Построй шалаш
Или коттедж...
Или, шутя,
На радость нам,
Свой – до небес – воздвигни храм...
Где будут люди,
Жизнь любя,
Всерьёз молиться за тебя...

***
Среди актёров гениальных
Артист был самый:
Конь в пальто!
И пил в буфетах театральных
Вино забвенья,
Как никто...
Так, что не выдержала сцена:
Игра игрой,
А жизнь бесценна!
Дублеров много...
А она -
Конгениальна и одна...

***
Он в прошлом веке слыл поэтом,
К бессмертной славе устремлён...
А в нынешнем –
Всем белым светом
И мной - забыт...
Да жив ли он?
На мой вопрос
Опять в ответ
Молчит всезнайка Интернет.

***
Бог
Оглох...
Он никого не слышит.
Все орут наперебой,
Как пишут:
- Я – не лох! –
И – кто во что горазд –
Громче,
Агрессивней каждый раз...
Я – не оглох,
Но, судя по всему,
Кто лох-не лох,
Ох, что-то не пойму...
...Я раньше излучал
В стихах тепло и свет,
Начало всех начал...
А нынче – спору нет,
Всех приглашая к чаю,
От них
Тепло и свет
Нещадно поглощаю...
Иной, - сказал поэт,
- Альтернативы нет.

***
- Я хожу кругами Ада...
Мне других дорог не надо!
- Врёшь!
Живёшь ты - выбирая,
Как пойти кругами Рая:
Или – в дверь?
Или – в окно?
Что не каждому дано.

Александр БАГДАНОВ
Калининград

Александр Геннадьевич Богданов Родился в 1983 г. в городе Калининграде. Окончил Калининградский государственный технический университет. Кандидат экономических наук. Автор четырех сборников стихотворений, среди которых: “Музыка, которая... “, “ С весной... “, “Вот бы встретиться нам с тобой”, “Предпосылки высокого чувства”.

ПАМЯТЬ ТИШИНЫ

— А в голос, все-таки не читай.
Ввечеру воздух сырой тут,
плотный, а зори здесь тихие,
и потому слышно аж за пять верст...
Б. Васильев

Есть тишина, от которой обидно.
Память, она и такое разбудит.
Тихо ведь так, что увидеть стыдно.
Тихо, как будто молчание судит.
Пятеро,
пять их,
зенитчиц пятёрка,
Трудно мужские прилаживать числа.
Родине долг – и по дому уборка,
Ставит война
на расход
даже мысли.
Там есть болото, нет времени только.
Там есть задание, смертным двужильное,
Там и награда есть, данная стойким...
Девушкам тонким
и хрупким... сильным.

Рита Осянина, Сонечка, Женя,
Лиза. При Галке. Васков – их мастак.
Честно друг друга меняя в смене,
Любили
и верили в Четвертак.
Доля горючая, страшная, громкая,
Если стон местной прослышать зари.
Рваный он, искренний,
преданный,
скомканный.
Небо ли вправду от слёз горит.
“Взяли, да?
Нет. Не прошли вы,
здесь сдохнете”.
Только девчонок уже
не вернуть.
Не заживая,
свыкаются,

глохнут те
Зарева мести о грешную нудь.
Жизнь перемелется, мать-земля выстоит,
Боль тишины
в трепет липок сойдёт,
В воды озёр очевидного чистые,
В каждый по капельке будущий плод.
Память не может смолчать по-быстрому.
В мире опять о недобром слыхивать.
Кровные зори там и здесь
вы-с т р а да-ны –
Здесь настоящие тихие,
тихие.
Вечные истины
с нотками новыми:
Дети детей,
голос Родины,
честь –
Той тишиной миротворно-суровою
Длится о павших нестихшая весть.
Есть тишина, что и леса душа слышна,
Мерно ветра д ы х а н и е
будит кроны.
Миру тихо, когда
ни гугу война –
Не спуская как в тишь, так и в жизнь
патронов.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Прискорбная, священная, народная,
Неискупительно прикормлена блесна.
Гнетущая, скорей, от инородного,
Не начинай впредь гнусный клёв, война.

От жатвы откровенной и неправедной
Земля стонала, задыхаясь в порохе.
Не унимались «мясорубка» с пламенем,
Смертей суля за миг взрезвиться молоху.

Алёша с небезвестной кинохроники,
С ним – миллионы безвозвратно сгинувших,
В пеленах поля с ковылем и донником,
Не глядя в небо, этот мир покинули.

Не воротились воины, не канули,
Костьми легли и души не запачкали.
Незримых тьма на 20 граммов гранул
Сошла из ливней в безутешном плаче.

Наслушанные «похоронок» женщины,
Для них нещадно обернулась ловля.
Утрата материнства – наименьшая,
Если свои сложили с головой сыновней.

Мизерное из нюрнбергских решений
Возмездие последовало позднее.
Нет оправданий и предвзятых мнений,
Войну бы в цинковый вогнать под гвозди.

С десятков лет крест устоит в столетьях,
От памяти зло время не прикроет.
Ведь Родины и всей Вселенной дети
Святые заодно пролитой кровью.

Будь даже втрое ты, бойня, священная,
Горестно почести вынести эти.
Жизнь, когда смерть войне, полноценная, –
Бессрочно почившей утробно Третьей.

ОШИБКА ИСТОРИИ

Зачем они в чьих-то сердцах остаются
Противники мирных отечеств;
По жилам потомков грехи разойдутся
Осколками бессердечия.

Больна да не глохнет восставших слава
В отдельных приютах мира.
Ведь там соседей память поправ,
Возводят убийц в кумиры.

Рассада заразы в видных местах.
Маячат косо крестом по свету…
Страшную пишут скрижаль «с листа»,
В прах стирая людей заветы.

Марши их ранят бывших друзей.
ТВ «без купюр» показывают.
Прихвостням время почить в бозе,
Исходом войны доказано.

Предательски резок парадный шаг
От даты победы ложной.
Гремит на весь мир без Христа душа,
Поправшая правду тоже.

Ну что им скажешь на эту злость,
Несёте ж знамена смерти,
Такое, видимо, ремесло
Друзьям передали черти.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Москва

Алла Анатольевна Новикова-Строганова - доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Росси, историк литературы. (Москва)

«Возвышающая женщина»: Николай Лесков о любви

(в год 190-летия великого русского писателя)

Николай Семёнович Лесков (1831 - 1895) - выдающийся мастер художественного слова – оставил нам в наследие непреходящие идеи о человеке и мире. Говоря о Лескове, академик Д.С. Лихачёв подчёркивал неисчерпаемость «всей гаммы сочувствия и любви, которая свойственна творчеству писателя» . Художник был наделён способностью «к глубокому проникновению в святая святых человека». «Я очень люблю литературу, - признавался Лесков, - но ещё больше люблю живого человека с его привязанностями, с его нервами, с его любовью к высшей правде» . Самобытный, духовно самостоятельный художник постоянно подчёркивал «своё уединённое положение» - как в жизни общественно-политической, так и в решении социально-этических вопросов. Писатель интересен прежде всего независимостью своих воззрений, основания которых - любовь к ближнему, деятельное добро - оставались неизменными.

Проблема брака, семьи, отношений мужчины и женщины как сложная область человеческих взаимосвязей глубоко волновала Лескова: «это мне очень важно, так как этого приходится касаться в вымыслах» , - писал он критику М.О. Меньшикову. Семью, в которой царят взаимопонимание, взаимоуважение, любовное единение духовно близких людей, Лесков считал одной из важнейших человеческих ценностей. В то же время, по мысли писателя, благополучная семья не данность, а результат непрестанной созидательной работы. Для того чтобы выстраивать и поддерживать внутрисемейные отношения, необходимо обладать не только житейским тактом, но и духовной зоркостью, постоянно «упражняться» в делании добра. Упоминая о семье, которая собирается «у стола с лампою и с простою дружною речью», Лесков в одном из своих писем говорит о важнейшем способе строительства такой семьи: «Добро, как сила, развивается от упражнений души в добродействе людям, а к этому надо иметь вкус, а вкус (душевная эстетика) развивается примером, растёт в атмосфере доброты». По вопросам практической этики семьи и брака Лесков вступил в творческий диалог и мировоззренческую полемику со своими выдающимися современниками - Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым. Откликаясь в 1890 г. на толстовскую повесть «Крейцерова соната», Лесков начал работу над тремя произведениями, оставшимися незавершёнными: «По поводу ”Крейцеровой сонаты”», <«Особенно чувствительно уязвила…»>, «Короткая расправа» .

«Остро психологический опус» «По поводу “Крейцеровой сонаты”» (1890), написанный, правда, только «вдоль» (как говорил художник о своих незавершённых произведениях), имел вариант заглавия: «Дама с похорон Достоевского» . Отправной точкой повествования у Лескова становится реальная предыстория дамы, «духовным наставником» которой был Достоевский. К этому писателю, имевшему огромный духовно-нравственный авторитет, нередко обращались за советом люди, ищущие достойный выход из непростых жизненных ситуаций.

Дама, явившаяся впоследствии прототипом героини рассказа Лескова, также адресовалась к Достоевскому с вопросом: стоит ли ей признаться мужу в совершённой измене? Убежденный в целительной роли страдания («Пострадать хочу - и страданием очищусь», - важнейший показатель духовного роста героя в вершинном романе Достоевского «Братья Карамазовы» - 1881), писатель дал посетительнице «рецепт» очиститься страданием: «Лучше открыть свою гадость, перенести наказание и быть униженной, разбитой, выброшенной на мостовую…» Экзальтированная дама, находясь под сильным влиянием «проповеди» писателя, делает попытку вести себя «по Достоевскому», но всё же не решается немедленно последовать данному ей указанию. «Грешница» пребывает на распутье: «эти похороны… эти цепи… этот человек, который производил на меня такое необыкновенно сильное, ломающее впечатление, это лицо и воспоминание обо всём, что мне приходилось два раза в жизни рассказывать, перепутало все мои мысли» (IX, 34). После похорон Достоевского с той же дилеммой дама обратилась к Лескову.

Первый биограф писателя А.И. Фаресов, освещая этот эпизод, вспоминал: «Лесков часто говорил мне о ней» . Жизненная ситуация, когда люди обращались к известным писателям за советом или духовной помощью, ища разрешения недоумений, облегчения в бедах, утешения в скорби, была привычной для того времени. В этой связи рассказ Лескова можно рассматривать «как образ памяти писателя» . В то же время «Дама с похорон Достоевского» как художественное произведение во многом отличается от воспоминаний Лескова, переданных в его биографии А.И. Фаресовым. Если в рассказе героиня уже сделала свой нравственный выбор, и её тревожит лишь вопрос о покаянии: расстаться ли ей с любовником, признавшись мужу в своей многолетней связи, или же не открываться перед ним, - то в передаче Фаресова посетительницу писателя волнует иное: «признаться ли ей мужу в том, что она любит другого, или продолжать ей обманывать его» (61). Обе ситуации чреваты семейной трагедией и неизбежно ведут к страданию - не только самой «грешницы», но и близких ей людей.

Достоевский категорично предписывал жёстко-универсальный вариант поведения. Для Лескова же истина не может быть теоретически абстрактной, отвлечённой - она всегда живая, конкретная. Суровому этическому максимализму Достоевского Лесков противопоставил сострадающий, божеский взгляд на человеческие проблемы: «Бог вам судья в этом деле, а не я» (61). «Даме с похорон Достоевского» писатель даёт совет, прямо противоположный тому, что получен ею от проповедника очистительного страдания: «если можно не вызывать страдания, зачем вызывать его» (IX, 39). Такова наиболее безболезненная, взвешенная и приемлемая развязка клубка семейных проблем. «Разойтись с человеком труднее, чем сойтись» (61), - утверждает Лесков.

Это вовсе не означает, что писатель упрощает проблему (как ранее считали исследователи), «переводя конфликт с высоких трагических переживаний и противоречий в разряд обыденного, повседневного» ; «соскальзывает, - как рассудил А.А. Измайлов, - в область того меркантильного практицизма, той земной и будничной рассудочности, от к <ото> рой, к сожалению, часто не умел воздерживаться и к <ото> рая однажды бесконечно возмутила Меньшикова, когда пророческому требованию от человека исповеди Достоевским он противопоставил глубоко пошлую «невыгодность» очистительной грозы покаяния для обеих заинтересованных сторон» . Напротив, разбирая чужие грехи и проявляя большую чуткость в отношении ошибок и заблуждений людей, Лесков подходит к проблеме как христианин, с духовной осторожностью. Такому проявлению милости к людям учил преподобный Серафим, Саровский Чудотворец: «Дух смущённого или унывающего человека надо стараться ободрить словом любви. Все мы требуем милости Божией… Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай» . Глубоко религиозный христианин, как замечал И.А. Ильин, всегда готов признать, что «в человеке есть грех наследственный, который трудно вменить ему или во всяком случае - ему одному», «есть грех невольный, грех пассивности (неделания), грех беспомощности и неумения», «грех от страха и иные различные, трудно исчислимые и непредвидимые грехи, которые допускают снисхождение <…> и удерживают <…> человеческие суд и приговор от строгости» .

«Нельзя предъявлять ко всем слишком больших требований, удовлетворить которым может только любовь совершенная» , - размышлял Лесков в статье «О рожне. Увет сынам противления» (1886). Свободу выбора, перед которой оказалось человечество со времен грехопадения, писатель рассматривает как христианскую проблему самоопределения и самовоспитания личности: «Чужую жизнь легко устраивать, а надо бы испробовать прежде всего <…> собственные силёнки. <…> Характер не калач покупной. Оттого я ничего не советую Вам, - обращается писатель к даме, - пока Вы сами не начнёте борьбу с своей природой. А у Вас в ней есть и много хорошего: это стыд природы и боязнь чужих страданий», «победите самую себя, а не убивайте других, делая их несчастными» (61 - 62).

Важную этико-психологическую нагрузку несёт в рассказе едва заметная художественная деталь: дама передвигает зелёный кружок абажура, пытается закрыться от света лампы. Домашняя настольная лампа - не просто бытовая деталь. У писателя с ней было связано излюбленное представление о дружной семейной жизни. В лесковской беллетристике, в письмах неоднократно рисуется картина сбора «всех членов семьи для

мирной беседы или чтения за круглым семейным столом и тихой семейной лампой, льющей ровный свет из-под абажура, сделанного женской рукой» . На приглашение погостить Лесков отвечает в одном из писем: «Если у вас когда-нибудь пьют чай у семейной лампы, - позовите меня, и я приеду» . Не имея собственной семьи, писатель стремился к общению «с добрыми людьми за их круглым столом и у их тихой, домашней лампы» .

В рассказе своей взволнованной посетительнице Лесков пытается внушить ту же мысль о сохранении семьи у «домашней лампы»: «стакан чаю, самовар и домашняя лампа - это прекрасные вещи, около которых мы группируемся» (IX, 40). Однако психологически многозначителен жест героини, закрывающей зелёный кружок абажура: свою семью она почти разрушила, и ей страдальчески нестерпим уютный свет чужой домашней лампы. В то же время оступившаяся женщина безотчётно пытается укрыться и от иного Света - Христовой истины. Лесков духовно «врачует» свою «пациентку», отчаявшуюся, болезненно спутавшую нравственные ориентиры. «Измену принёс мне сам дьявол, - если хотите, я верю в дьявола» (IX, 37), - мрачно вскрикивает героиня рассказа. Но веровать ей надо в Бога, идти к Нему, не прятаться от Его света. Рецепт духовного выздоровления есть: необходимо и возможно «найти достаточно поводов жить для других» (IX, 42), то есть выйти за узкие рамки эгоистического существования во имя деятельной любви к ближнему.

По поводу самой повести Л. Н. Толстого «Крейцерова соната» Лесков, полемически заостряя свою позицию против этического максимализма Достоевского, в то же время усмотрел в толстовском произведении идеи, созвучные собственным. «Если женщина такой же совершенно человек, как мужчина, - размышлял Лесков, - такой же равноправный член общества и ей доступны те же самые ощущения, то человеческое чувство, которое доступно мужчине, как это даёт понять Христос, как это говорили лучшие люди нашего века, как теперь говорит Лев Толстой и в чём я чувствую неопровержимую истину, - то почему мужчина, нарушивший завет целомудрия перед женщиной, которой он обязан верностью, молчит, молчит об этом, чувствуя свой проступок, иногда успевает загладить недостоинство своих увлечений, то почему же это самое не может сделать женщина? Я уверен, что она это может» (IX, 39).

Однако в отношении толстовской позиции Лесков выдал желаемое за действительное. Перерабатывая «Крейцерову сонату», Л. Толстой явил «разномыслие» с истолкованием его повести Лесковым, усилив аскетизм и резкость концепции. В проблеме отношений между полами Л. Толстой усматривал «несвободу и неполноту» из-за «неотдельности мужчины от женщины» , тогда как, согласно лесковскому пониманию, солидарному со святоотеческим учением, союз мужчины и женщины является божественным установлением и не только не обедняет человека духовно, но - наоборот - способствует полноте реализации личности. По мысли Отцов Церкви (Климента Александрийского, Блаженного Августина), жена - подруга и помощница, необходимая своему мужу: «Только вместе с нею человек становится существом цельным и полным, каким он должен быть сообразно Божественным целям» .

В доктрине Л. Толстого Лесков не мог согласиться с требованием отказа от плотской любви - не только потому, что для человечества это «хомут не по плечам», но прежде всего - это «противно великой необходимости призыва на землю для воплощения множества душ», которым необходимо реализовывать Божественный замысел. «Но как по его же словам, - пишет Лесков о Л. Толстом, - не выберешь “дубинки без кривинки”, то мне в его толковании “кривинкою” кажется то, что касается отношения полов - брака, чадорождения и проч. к сему подходящего. Здесь я чувствую какую-то резкую несогласимость с законами природы и с очевидною потребностью для множества душ явиться на земле и проявить себя в исполнении воли Творца. Тут я Л. Н-ча не понимаю и отношу его учение к крайностям его кипучего, страстного духа, широкого в своих реяниях во все стороны: а сам я смелее прилежу к практичному москвичу Кавылину (основат<елю> Преображенск<ого> кладбища), который думал и учил, что “естественно есть мужа к жене соизволение”, и в том есть “тайна Создавшего”, а “установление к сему человечнее: да отец будь чадам, а не прелюбодей”» .

Уже через несколько дней после этого письма критику Меньшикову Лесков вновь обращается к нему по поводу волнующего вопроса «естественного мужа к жене соизволения», полемизируя с толстовской позицией, противопоставляя ей собственное решение проблемы. Признавая влечение полов, писатель желает, чтобы во главе союза мужчины и женщины стояли не только «кровь и плоть», но также душа и разум, чтобы физическое пребывало в гармонии с духовным, нравственным. «Нам надо очищать вкус людей, а не вырывать вон естественного закона природы, - считает Лесков. - Дурно, что сближением полов до сих пор главным образом руководят «плоть и кровь», а не дух, не разум, - любовь родится только потому, что “аппетит манит”, а не по благоразумию, и Шопенгауэр об этом говорил лучше, чем в “Крейцеровой сонате”» .

Отрицая брак, Л. Толстой обращался к христианской истории: «Христос не давал никаких определений жизни, Он никогда не устанавливал никаких учреждений, никогда не устанавливал и брака» . Однако в святоотеческом духовном наследии наряду с прославлением целомудрия и безбрачия существует понятие о том, что жизнь в браке не является препятствием к достижению вечного блаженства. Напротив, это «средство, облегчающее путь

к нему, когда супруги взаимно помогают друг другу. Особенно замечательно мнение, высказанное Иоанном Златоустом о людях, которые, увлекшись аскетизмом, разрывают брачный союз для подвигов отшельнической жизни. Он указывает на опасность подобных разрывов брака. Оставляя свою жену, чтобы удалиться в пустыню, муж подвергает её искушениям, и в случае её падения вся ответственность падает на него самого» .

Союз мужчины и женщины является одним из первых даров, преподнесённых человеку Богом. Ева, сотворённая из ребра Адама, плоть от плоти и кость от кости, - его alter ego. Евангелие учит: «любящий свою жену любит самого себя» (Ефес. 5: 28); «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её, как Господь Церковь» (Ефес. 5: 29), «посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика» (Ефес. 5: 31 - 32). Апостол Павел в своём учении о браке возносит супружество и семью на такую высоту, где правит абсолютная христианская любовь: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё» (Ефес. 5: 25). Христианская Церковь никогда не осуждала брака и благословляла его. Лесков также брака не отрицает и расходится с автором «Крейцеровой сонаты» в исходной позиции: «Я всё хотел видеть хороший, нравственно устроенный брак, а не зарекательство от этого» , - пишет Лесков Татьяне Львовне Толстой.

В незавершённом фрагменте «Особенно чувствительно уязвила генерала Попятина “Крейцерова соната”…», как и в короткой заметке «О браке» (1891) , писатель справедливо считает: «надо, чтобы человек выбирал себе жену за её ум, характер и хорошее уменье жить, а не за джерси да за нашлёпку» . В статье «Карикатурный идеал» (1877) Лесков замечал, что для девушки, мечтающей выйти замуж, явно недостаточно «некоторой способности ловить мужчин в женские тенета»; ей должно хватать и «благородства характера», «и живой веры, кротости и упования, которые так возвышают нравственный облик женщины» (X, 224).

Свободное согласие супругов - одно из главных условий брака. Однако выбор «второй половины» - шаг чрезвычайно важный, поскольку супруги в своём союзе несут взаимную ответственность. В письме к своему приёмному сыну Б.М. Бубнову о цели сближения полов («паровании») Лесков высказывается более определённо и судит с религиозных позиций: «парование» должно происходить «не по облюбованию бёдр и “сосковой линии”», но «по согласию в мыслях и стремлениях» (XI, 488). Писатель напоминает: «любовь есть величайшая и всемогущественная сила, и её игнорировать нельзя: “она творит святых и героев”» (XI, 489).

Если Л. Толстой в «Послесловии к ”Крейцеровой сонате”» утверждал: «Вступление в брак не может содействовать служению Богу и людям» , - то Лесков считал, что в своём союзе мужчина и женщина могут стремиться «к достижению высших целей бытия» (XI, 488). Более того - женщина не только не «разъединяет» мужчину с людьми, но писатель говорит о «возвышающей женщине» (курсив Лескова), «возносящей дух мужчины выше и объединяющей его с Божеством » (XI, 489) (курсив мой. - А. Н.-С.).

Людмила БРАГИНА
Белгород

Брагина Людмила Петровна родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г) молодёжной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея.
Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012).
Член Союза писателей России.

О СЧАСТЬЕ

Спроси у человека, что такое счастье,
и ты узнаешь, чего ему больше всего не хватает.

Начало учебного года я встретила в лор-отделении городской больницы. Я почти не спала из-за отита – по ночам болели уши. Каждое утро начиналось для меня тоскливее, чем если бы мне надо было идти в школу.

В шесть включался свет, и в палату входила хмурая заспанная медсестра с градусниками в стакане. Потом в коридоре, пропитанном неистребимыми запахами хлорки и антибиотиков, у медицинского поста следовала раздача пузырьков с таблетками. Затем - унылая очередь в выстуженную ночным проветриванием и выжженную кварцеванием процедурку. После уколов и других медицинских экзекуций я снова ложилась в кровать, забираясь с головой под одеяло. Зажмурившись и стиснув зубы я ждала, когда пройдёт ещё неделя - вторая половина обещанного лечащим врачом срока до выписки.

Как только я согревалась и расслаблялась, сердце начинало биться спокойнее. На меня накатывала дрёма. Веки тяжелели и глаза закрывались сами собой. И тут, громыхая железной тележкой, на которой стояли большие эмалированные вёдра с дребезжащими на них крышками, в коридоре появлялась пожилая санитарка. Зычным голосом она созывала обитателей отделения на приём пресной и убогой больничной пищи: «Уши-уши, идите кушать!»

Двух моих соседок по палате звали тётя Маша и тётя Клава. Им обеим было под шестьдесят и судьбы их оказались во многом схожими: полуголодное детство в колхозе, чужие углы в городе, у обеих были мужья-алкоголики, только одна развелась, а у второй - умер. Их разговоры начинались и заканчивались подробным описанием всевозможных хворей, а в промежутках они вспоминали свою жизнь, полную тягот, невзгод и обид, выпавших на их долю.

У впечатлительного 13-летнего подростка, каким я тогда была, эти две горемыки отбирали всякие силы не только выздоравливать, но и жить вообще. Как два страшных призрака будущего, они своим примером олицетворяли безжалостность и неумолимость судьбы, ведущей через долгие страдания к трагической развязке.

Я доставала из тумбочки любимую книжку и пыталась погрузиться в неё, чтобы не дать засосать себя серому и тягучему инобытию. Но стоило мне начать читать, как буквы расплывались, и боль, как раскалённым обручем сдавливала голову.

Поглядев пару раз на мои отчаянные попытки, сердобольная тётя Клава не выдержала:

- Брось-ка ты все эти книжки, детка. Нам сейчас голову напрягать нельзя. Побереги себя, ты ж такая молоденькая, ещё жизни не видела, а уже больная вся. Садись сюда, - она провела ладонью по заправленной кровати рядом с собой, - мы лучше с тобой вот что посмотрим.

Она выдвинула верхний ящик обшарпанной тумбочки, стоящей возле кровати, и достала пакет, в котором находилось что-то прямоугольное и

увесистое, похожее на кирпич. Это оказался старый бордовый плюшевый фотоальбом с затёртыми углами.

Я обречённо присела на краешек её кровати.

- Детских фоток у меня нет, растерялись, да и не много их было, зато вот! Смотри, свадебные. Мы в 61-м поженились, когда Гагарин в космос полетел. Мой это событие неделю с дружками праздновал, потом ко мне пришёл глаза в кучку, уши врастопырку и говорит: «Я хоть не космонавт, но тоже Юрка, выходи за меня!» А я на радостях и выскочила.

- По любви? – наивно, но почему-то с надеждой спрашиваю я.

- По дурости! - жёстко приземляет тётя Клава.

На мутной чёрно-белой фотокарточке был запечатлен стол, плотно заставленный бутылками и тарелками с едой, мужчины в тёмных мешковатых костюмах и узких галстуках, женщины в цветастых платьях и высоких шиньонах, и на заднем плане, на стене ковер с оленями. Рядом с улыбающейся невестой, у которой завитые волосы, торчат из-под коротенькой пышной фаты, сидит пожилая измождённая женщина в скромном платочке, напоминающая тётю Клаву. По другую сторону – захмелевший жених в белой нейлоновой рубашке с мокрыми тёмными пятнами подмышками. В одной руке сигарета и рюмка в другой.

Тётя Клава водит по фото кривым от артрита пальцем, показывает на женщину в платке: «Это моя мамка. Здесь ей сорок лет».

Я недоуменно поднимаю брови, и тетя Клава поясняет: «Она с двадцатого года, всё застала: и голод, и войну, да оно и после добра не было…» - и безрадостно машет рукой.

Тут в разговор вступает подсевшая к нам тётя Маша:

- А ты думаешь какая она жисть в колхозе? Не жисть, а каторга, в трудах да нищете, вот так и изработалась-то к сорока годочкам…»

Пока я своим пионерским прямолинейным умишком пытаюсь соединить высокое и почётное понятие «труд» с нелогичным для него следствием - «нищета», тётя Клава перелистывает страницы и продолжает что-то говорить.

Альбомные фотографии расположены в хронологическом порядке, и вот уже начинают появляться цветные снимки. Так и не найдя объяснений своим мировоззренческим нестыковкам, я возвращаюсь к просмотру.

На сером картонном развороте, в фигурные прорези вставлены три фотографии, и вглядевшись, я чувствую, что внутри у меня всё сжимается и холодеет.

У открытого гроба, стоящего возле подъезда на двух табуретках, сидит плачущая тётя Клава в чёрном платке, внизу прислонены венки с траурными лентами. Возле усопшего полукругом собралась небольшая группа людей с печальными и сосредоточенными лицами, а чуть поодаль стоят музыканты с духовыми инструментами и большим барабаном.

На второй, как будто фотограф сделал несколько шагов вперёд, и перешагнул невидимую границу, крупным планом восковое лицо покойника с бумажным венчиком на лбу. По углам гроба, в изголовье стоят зажженные свечи, воткнутые в куски хлеба. На белом кружевном покрывале алым веером брошены гвоздики, и на их фоне мертвец выглядит особенно одиноким и страшным.

Я пытаюсь отвернуться, но взгляд, как примагниченный переползает на третью фотографию. На ней уже поминки, люди в тёмных одеждах сидят за столом в свободных позах, разливают по стаканам и стопкам водку, разговаривают и у некоторых даже на лицах весёлые улыбки.

Я не знаю, что больше меня шокировало: то, что свадебная тема так резко сменилась на похоронную, или сам непонятный ритуал фотографирования смерти, да ещё так близко и подробно, или быстрота смены настроения людей, которые изображали скорбь.

- Тётя Клава, а зачем вы похороны фотографировали?!

- Да раньше как-то принято так было, на память, - не очень уверенно отвечает она, - даже у нас в деревне фотографа нанимали те, кто побогаче жили.

- Так ведь помнить человека надо живым, а не мертвым…

- А живым он мне всю душу вынул своими запоями да дебошами. Глазищи с утра водкой зальёт и начинает куролесить. Последние годы, его трезвым и не видела.

- Я своему за то ж пенделя под зад и дала! – подхватывает тётя Маша, - Жаль того, что полжизни мне испоганил, всё об ём помирала, надеялась, что заживём, как люди… Бабкам да вытрезвителям, все деньги повытаскала. Всю жисть в одном платьишке ситцевом штопанном проходила. Не приведи тебе Бог нашего горя

мыкать, ягодка моя, - жалостливо заканчивает она и заглядывает мне в лицо, - Твой-то папка не пьёт?

- Не знаю, когда я родилась, мама с ним разошлась.

Тут она заполошно всплескивает руками и начинает причитать:

- Клаава! Да что ж ты его вместе с живыми-то повставляла? – разве не знаешь, что их нельзя смешивать?! Люди старые рассказывали, что не упокоится мертвецкая душа, пока не заберёт с собой…

- Я ему заберу! Может, хоть в космосе своём проспится.

- А что с этими фото делать надо, тёть Маш?

- В черный конверт и отдельно покласть, в дальний ящик или коробку с обуви. И выкидать нельзя…

Интересно, как только мужа отнесли и зарыли на кладбище, тётя Клава могла говорить, есть, пить, улыбаться? Или только тогда и смогла? Я смотрю в её выцветшие глаза и мне хочется прямо в халатике выскочить на улицу и бежать без оглядки, сколько хватит сил от неё, от их долгих вечерних «задушевных» разговоров, от этого места, где всё пропитано стонами, вздохами, ночными вскриками.

Столетнее краснокирпичное здание городской больницы стало ветшать и разрушаться не только от времени, но и от человеческого горя и страданий. Если о храмах принято говорить, намоленное место, то о нем точнее было бы сказать наболенное - наболевшее. А вот внутренний дворик здесь удивительно хороший - уютный и ухоженный. В нём много ещё по-летнему ярких цветов. На аллеях, под берёзами и клёнами, расставлены старые лавочки с плавными изогнутыми линиями. Но даже выйти погулять в больничный двор я не могла из-за дождливой и ветреной погоды, которая стояла уже неделю.

Чуть наискосок, через дорогу от больницы располагался огромный машиностроительный завод. Наверное, не было в городе такой семьи, которая не имела бы к нему отношения. И моя мама тоже работала на этом заводе. Однажды она решила взять меня туда на экскурсию. Прошли мы через проломленную дыру в бетонном заборе. Про неё знали все: и охрана, и работники, которые пользовались этим кружным путём, в обход проходной, когда по утрам или с перерыва опаздывали на работу, или когда требовалось беспрепятственно пронести спиртное.

Прошло много лет, но я до сих пор с содроганием вспоминаю задымлённый и грохочущий цех, с едва различимыми в полутьме станками устрашающих размеров, между которыми сновали силуэты в спецовках. Мне показалось, что я попала в ад. Мы стояли посреди этого надвигающегося лязгающего ужаса и я, четырёхлетняя девочка, дрожала, как осиновый лист. Изо всех сил сжимая тёплую мамину руку, я собиралась сказать, что защищу её от всех чудовищ на свете. Но мама опередила меня.

— Это цех, где я работаю, - гордо сказала она. - На этих станках вытачивают из металла всякие детали, – мама показала на кучу радужной металлической стружки на бетонном полу, – видишь, вот как мы с тобой картошку чистим, так и он из железной болванки срезает лишнее и появляется что-то нужное. А посмотри вверх — это мой кран! Помнишь, я тебе стишок читала: «Краном висящим тяжести тащим/Молот паровой гнет и рельсы травой». Вот вырастешь большая, придёшь и тоже будешь здесь работать.

Я с болью и недоумением смотрела на неё и про себя твердила: «Никогда! Никогда я не приду на этот кошмарный завод, и, если бы я только могла, никогда-никогда не отпустила бы тебя больше сюда. Чтоб он развалился на куски!» И видимо, настолько это детское желание было жгучим, искренним и всеобъемлющим, что спустя годы он действительно развалился, вместе со страной, строем и укладом жизни…

В полдень, как только раздавался протяжно ревущий заводской гудок, я хватала тёплую кофту, на ходу засовывая руки в рукава и застёгивая пуговицы, сбегала по старой лестнице на первый этаж в вестибюль. Становилась у окна и начинала представлять, что происходит сейчас через дорогу…

Переодевшись, мама выходила из цеха и спешила в заводскую столовую. Полный комплексный обед она не брала, а наспех съедала только первое или второе. Потом забегала в кулинарию, где покупала мне диетическую лепёшку, язычок из слоеного теста, пирожок с повидлом и торопилась ко мне в больницу. А через 15 минут ей снова нужно было возвращаться на завод.

Я начинала ждать её, как только утром открывала глаза и каждый раз просила не приносить мне ничего, чтобы она не расплачивалась в кулинарии драгоценным временем наших коротких свиданий. Я вдохновенно врала, что нас кормят очень вкусно и питательно, но мама не могла себе позволить прийти в больницу с пустыми руками.

После быстрого обмена вопросами и ответами в больничном холле, я возвращалась в палату. На душе у меня теплело, и в тихий час я лежала с закрытыми глазами, прогреваясь ощущением ещё звучащего во мне маминого голоса и невесомых прикосновений её рук.

Я думала о том, что так было всегда, начиная с момента, как я себя помню. Мама уходила на работу в шесть утра, и я страшно боялась проспать этот момент. Вскакивала спозаранок, чтобы увидеть тонкую полосочку света из-под двери на кухню, услышать тихий звук закипающего чайника и просто посидеть за столом рядом, пока она выпьет чашку чая и съест завтрак. Потом, чтобы не мешать ей собираться, я садилась на стул, стоящий в углу, из которого просматривались все пути из комнаты на кухню и в коридор. И когда мама расчёсывалась и одевалась перед трюмо с тремя зеркалами, оно называлось трельяж, я счастливо смотрела на неё и её отражения, и это было для меня как вознаграждение за предстоящую разлуку на целый день.

Вечером снова всё повторялось, только наоборот. Она приходила поздно, а я ждала. Несколько раз за вечер бегала в ванную и умывалась там холодной водой, чтобы не хотелось спать.

После четырёх смена заканчивалась, мама выходила на остановку, которая назвалась так же, как и завод, ждала автобуса и ехала на вторую работу Мама, выбивалась из сил, чтобы выплатить кредит за кооперативную квартиру, куда она переехала вместе со мной после развода.

Поздно вечером, когда мама освобождалась, больница была уже закрыта для посещений. Поэтому я начинала готовиться ко сну сразу после ужина. Тщательно чистила зубы, расчёсывалась, медленно и плавно проводя по волосам щёткой усыпляющими равномерными движениями. А чтобы не слышать бесконечных нудных разговоров своих соседок, отворачивалась стенке и, заткнув уши ладонями, пела про себя колыбельные песни, пока не засыпала.

Откуда ни возьмись в приятное полузабытьё врывается громкий разухабистый мотив:

Бывали дни веселые —

Гулял я, молодец

Я подскакиваю на кровати, не разобрав, где я, всё ещё надеясь, что это сон, но мои соседки тоже сидят на кроватях с выпученными глазами. И прямо у нас под дверью пьяный голос дико фальшивя выводит:

Не знал тоски-кручинушки,

Как вольный удалец.

- Мужики што ли напились и песни орут? Куда врачи смотрят, держат тут всякую алкашню… – возмущённо вопрошает тётя Маша, и чтобы удостовериться набрасывает на ночнушку халат, выглядывает в коридор и отшатывается назад.

Дверь в ординаторскую нараспашку. Из всех палат выглядывают непонимающие, удивлённые, перепуганные лица. По коридору шатаясь и шаря руками по стенам бредут вдрызг пьяные все три доктора и старшая медсестра с букетом цветов. Солирует наш, остальные одобрительно смеются и подтягивают в разных местах…

На лестнице раздается характерный звук падающего тела и бьющегося стекла. И вслед за этим резкая спиртовая волна, как цунами заполняет «ароматом» всё отделение.

По мужским палатам дружно прокатывается протяжный и горестный стон.

Из разбитой трёхлитровки по ступенькам, захватывающими дух каскадами стекает медицинский спирт.

«Ах ты ж етить твою разъетить, опять порядок наводить!» - качая головой вполголоса бормочет санитарка.

Я проснулась такой уставшей после этого дикого ночного происшествия, что еле волочила ноги. Перетерпев все назначенные обязательные процедуры, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. С того дня, как я попала сюда, впервые после полосы проливных дождей, выдался светлый сентябрьский день. Я смотрела на мокрые растрепанные дождями и ветрами головки астр и георгин, мечи гладиолусов, полёгшие на клумбах в неравном бою с наступающей осенью, и не могла ни на чём сосредоточиться, всё расплывалось и ускользало.

Соседки пошли «погулять» по коридору, разузнать и обсудить последние новости, а я присела возле окна и решила накрасить ногти…

И вдруг длинный солнечный луч пробился сквозь пелену белых облаков и упал мне на руку. Алый лак ярко вспыхнул, зарделся волшебным диковинным цветком и всё внутри меня внезапно как будто просияло, проснулось и ожило, наполнилось силами и потребовало движения. Я на секунду прислушалась к себе и безошибочно поняла, что именно хочу сделать немедленно.

Я оделась и выскочила на улицу. Нырнув в подземный переход и вынырнув из него на другой стороне дороги, я вошла в тенистый скверик и остановилась под раскидистой кроной старого каштана сбоку от проходной. Аллея с чугунным памятником вождю пролетариата, ведущая к остановке, была пуста, на клумбе ещё пламенела

сальвия, свежий воздух бодрил тело и очищал мысли.

Наконец громкий длинный гудок возвестил перерыв на обед. И сразу, как будто открылись шлюзы. Людская толпа, как вода под напором, хлынула вперёд, дробясь и разлетаясь на свободные частицы. На короткую жизнь от гудка до гудка.

В потоке лица сливались, и я пожалела, что стала слишком близко у проходной. Боялась, что пропущу и не увижу то единственное и родное, на которое столько лет не могу насмотреться.

Я напряжённо вглядывалась в это людское скопище, и вдруг перед выходом мелькнуло яркое голубое пятнышко. Моё сердце радостно подпрыгнуло в груди, и я беззвучно закричала – мама! Сегодня она надела моё любимое голубое в тонкую белую клеточку платье, которое я уговорила её купить во втором классе.

С той самой памятной экскурсии, я редко что просила купить для себя, потому что понимала, чем оплачиваются покупки, а если мне требовалось что-то действительно необходимое, оно появлялось и без напоминаний… Но, когда я увидела это платье, сначала на своей первой и любимой учительнице, а потом в магазине, в который пришли вдвоём с мамой, я бесповоротно решила, что без него мы отсюда не уйдём.

Я вцепилась в неё, как клещ и умоляла «только померить и всё». Мама смутилась и не разгадав моей военной хитрости согласилась. Платье так ладно село на её стройную хрупкую фигурку, так было ей к лицу, делая его моложе, глаза ярче, улыбку светлее! И это ещё больше укрепило меня, и я сделала следующий шаг.

«Тут такой свет плохой, давай выйдем в зал к большому зеркалу…» И здесь, не почуяв подвоха, она доверчиво вышла из примерочной. Я обняла её возле зеркала и громко, со слезами в голосе, завела волынку на весь магазин: «Мамочка, купи его! Пожалуйста!! Я тебя очень прошу!!!» Какая-то женщина неодобрительно посмотрела на меня и сделала замечание: «Такая взрослая девочка и такая несдержанная, капризная, выпрашивает себе платье! Нельзя быть такой эгоисткой!»

Я про себя обрадовалась и ещё жалобнее продолжила, совсем вогнав маму в краску.

Бедная моя мама! Но мне всё равно не стыдно за этот поступок. Это платье не один год согревает, украшает её, а сегодня ещё подало мне особый знак…

Пока я вспоминала историю его появления, мама уже поравнялась со мной, и я совсем близко видела её нежный висок, слегка тронутую загаром щёку, худенькую шею и узкие плечи. Она стремительно шла вперед, и по её светлому лицу было понятно, что она сейчас не здесь, а уже подходит к больнице…

А я всё стояла, смотрела и не могла ни сдвинуться с места, ни окликнуть её. У меня перехватило дыхание, из глаз текли слёзы, и я быстро-быстро моргала, чтобы они не заслоняли лучшую в мире картину, которая навсегда запечатлелась в моём сердце.

Ирина. Худ. Сергей Прохоров